

**ЕВГЕНИЙ
ЛУКИН**

**КАТАЛИ МЫ
ВАШЕ СОЛНЦЕ**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Евгений Юрьевич Лукин

Катали мы ваше солнце

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119442
Евгений Лукин. Катали мы ваше солнце: АСТ; М.; 2000
ISBN 5-237-04657-6*

Аннотация

И веселое ж место – Берендеево царство. Стоит тут славный град Сволочь на реке Сволочь, в просторечии – Сволочь-на-Сволочи, на который, сказывают, в оны годы свалилось красно солнышко, а уж всех ли непотребных сволочан оно спалило, то неведомо... Плывут тут ладьи из варяг в греки да из грек в варяги по речке Вытекла... Сияет тут красой молодецкой ясный сокол Докука, и по любви сердечной готова за ним хоть в Явь, хоть в Навь ягодка спелая – боярышня Шалава Непутятична... Творит тут деяния тайные хитроумный Кудыка – на все руки мастер. И катится по небу синему солнце ясное, из катапульты, сиречь из кидала запущенное. Ох, докатится!.. Читайте роман Евгения Лукина – и вы будете смеяться, как давно не смеялись!

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	24
Глава 3.	44
Глава 4.	63
Глава 5.	81
Глава 6.	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Евгений ЛУКИН

КАТАЛИ МЫ

ВАШЕ СОЛНЦЕ

Тем только и дышим, что знать не знаем.
В.И. Даль

Глава 1.

Ночка Темная

Кудыка был разбужен дробным, глуховатым бряцаньем медного позвонка. Заворочался на лавке, с надеждой выпростал из-под одеяла, подбитого заячьим мехом, всклокоченную голову, но, разлепив веки, так ничего и не увидел. Черно – как в полене. «Трык-трык... – поскрипывало и постукивало неподалеку. – Трык-трык...» Приподнялся на локте, все еще ожидая, что вот-вот порозовеют, засветятся репейки ¹ слюды в широком косящатом оконце.

Не дождавшись, крикнул, помянул в сердцах шишимору ² и всех родичей ее, потом запустил пятерню в редкую от частых раздумий бороденку и, уставясь в невидимый пото-

¹ Репеек (берендейск.) – звездчатая вставочка

² Шишимора (берендейск.) – шишига, кикимора

лок, стал сердито соображать, что же он все-таки напутал в хитром своем резном снарядце. Днем вещица работала исправно и бряцала вовремя, если и промахивалась, то самую малость, а вот восхода, вишь, не угадала еще ни разу. Может, и впрямь шишимора шалит?.. Однако в шишимор, по правде сказать, Кудыка не особенно-то и верил. Он, если на то пошло, и сам о прошлом годе, сговорившись с Плоскыней, посадил шишимору князьему боярину Блуду Чадовичу. Резали они с тем Плоскыней в тереме вислое крыльцо³ о двух столпах. Крылечко вышло – загляденьице, да вот прижимист оказался Блуд, недоплатил... Ну и, стало быть, с того самого дня возьми да и заведись шишимора. Скрипит, стонет – хоть из терема беги. Долго крепился Блуд, а все одно не стерпел, послал за Кудыкой да за Плоскыней, уплатил сполна. И – как корова языком слизнула, нет шишиморы... Такое вот диво.

Кудыка ухмыльнулся, припоминая давнюю эту проделку, и сел на лавке, накинув на плечи зипунишко⁴. За ночь горенка выстыла, пробирал озноб. Либо огонь вздуть? Кудыка встал и в черной, как сажа, тьме сошел крутой двенадцатиступенной лесенкой в подклет, где потрогал чуть теплую печку и хмыкнул довольно. Печью своей Кудыка гордился. Сложенная из греческого кирпича и лишь сверху обмазан-

³ Вислое крыльцо (берендейск.) – огражденный перилами выступ, приделанный извне к дому

⁴ Зипун (берендейск.) – исподняя одежда, узкая, до колен и без козыря

ная глиной, жар она держала, почитай, всю ночь. В двух шагах от Кудыкиной подворотни по речке по Вытекле пролегал путь из варяг в греки – ну как тут не попользоваться такой оказией! Были бы только денежки. А денежки у Кудыки были. Не чурки деревянные, как у прочих берендеев, а мелкое серебро, дробная монета, у тех же греков наторгованная.

Хитер был Кудыка, ох, хитер! Другой бы на радостях изразец муравленый пустил по печке, стены бы в горенке красной кожей приодел, а он по-смирному – глиной да рогожкой. Назови кто в людях Кудыку зажиточным – на смех бы ведь подняли. Хоть и дом у него двупрясельный⁵ – горница на подклете, и дым вон из трубы, а не из окна волоком... А все смекалка Кудыкина. Иной аж прослезится, о художестве⁶ своем говоря, да кто ж ему поверит-то? А Кудыка как начнет хвастать, провираясь для виду, все от хохота с лавок валятся. Что с такого возьмешь? Потому и поборы на него падали самые легкие, и даже Кощей, под которым ходили все теплынские берегини, хранил Кудыкин двор лишь по малому оберегу⁷. А мог бы и по большому, раза в два дороже...

Кудыка отнял заслонку, лицо нежно тронул неворошенный жар под пеплом. Стало быть, все-таки дед вставал среди ночи да подтапливал... Древорез пошевелил кочергой, обдав красноватой позолотой рубаху, и, нашарив тугой, увесистый,

⁵ Двупрясельный (берендейск.) – в два потолка

⁶ Художество (берендейск.) – лихие, никудышные дела

⁷ Оберег (берендейск.) – привеска от сглазу, огня, воды и проч

как кирпич, стружечный жемок, сунул в печь. Вскоре загудело густое веселое пламя, забегали по стенам теплые зайчики. На полатях тут же закричал и заохал старый дед Пихто Твердятич:

– Охо-хо, внуче Кудыче...

– Ты спи, дед, спи, – успокоил Кудыка. – Темно еще...

– Темно... – недовольно повторил дед. – То-то и оно, что темно. А почему темно-то?

– Рано потому что, – ответил Кудыка, отправляя в огненную пасть печи еще один плотный стружечный кирпичик.

Полати закричали, затрещали, всколыхнулась лежащая горбом ветхая шубейка, и в пятнистой полутьме явилось морщинистое резное личико деда. Кудыка инда ⁸ залюбовался. Уж на что он сам слыл первым древорезом в слободе, а поди ж ты, выведи так-то вот каждую морщинку!

– Незаплатана ты башка! – гневно выкатывая глаза, прошамкал дед. – Рано ему! Солнышку-то давно уже встать пора!

– Ну ты солнышку-то не указывай, – ворчливо заметил Кудыка, закрывая заслонку. – Пора ему там, не пора...

Дед крикнул и примолк. Потом заворчал снова, на этот раз тревожно, испуганно:

– Раньше-то, а? Лето – долгое, зима – мягкая... Весной как пригреет – смотришь: а лед по речке по Сволочи шорохом идет вовсю... А ныне вон уже и Вытекля по затонам под-

⁸ Инда (берендейск.) – ажно

мерзать стала... Эх! Прогневалось на нас ясно солнышко...

– Это за что же? – спросил Кудыка.

– А не надо было греков пущать в государство! Время мерят, часы ладят...

Кудыка хмыкнул, засветил ночник и вышел в сени, где умылся ледяной водой из кадки, все посматривая, не зарозовеют ли слюдяные чешуйки в оконце.

– А знаешь, почему греков греками зовут? – снова заговорил дед, стоило Кудыке вернуться. – Грешные потому что!.. А ты вон с ними дружбу водишь, с ча-сов-щиками!..

Последнее слово дед выговорил презрительно, как выбранился.

– Как же это греков не пущать? – удивился Кудыка. – Ежели не пущать, так это бесторжие будет. Бесторговица...

– Да и леший с ней, с бесторговицей! – взвился дед. – Зато, глядишь, солнышко смилуется, припечет...

Кудыка не дослушал и снова поднялся в горницу. «Трык-трык... – все так же поскрипывал и постукивал резной снарядец. – Трык-трык...» Гирька на ремешке свисла уже чуть ли не до полу. Греки – греками, а и мы кое-что можем. Немудреная вроде снасть: два пупчатых колеса с колебалом да позвонок с опрокидом, а вот поди ж ты – время кажет и в позвонок бряцает на закате. Ежели бы еще и на рассвете бряцала – цены бы ей не было.

Кудыка нахмурился, остановил колебало и, намотав ремешок на валик, снова качнул. Трык-трык... А ведь дед-то

прав. Ночи теперь не в пример длиннее стали. Шутка, что ли, лишних три оборота ременных на ночь накинул! Позавчера два, вчера три... Сколько ж еще набавлять-то? Ремня не хватит...

Долго бы еще размышлял Кудыка, но тут мелькнули наконец в слюдяных репейках окна дробные алые искорки. Обрадоваться, правда, не успел – понял, что не солнышко тем искоркам причиной. Кто-то бегал по улицам с огнем, да и не один. А вскоре стали слышны и отдаленные крики.

Кудыка торопливо подпоясал зипун и, на ходу влезая рукой в рукав шубейки, заторопился вниз по лесенке. Дед Пихто Твердятич, привскинувшись на полатах, тревожно склонял ухо к невнятному шуму.

– Что там, Кудыка?

– Да кто ж его знает! – так же тревожно отвечал ему тот, срывая со стены кистень-звездыш⁹. – Не иначе, опять лихие люди доброго человека в чужой клетки поймали...

Нахлобучил шапчонку, выбежал в черные сени, отнял засов. Очутившись на низком крыльце, первым делом взглянул на восток. Нет, ничего там не светилось и даже не розовело.

Серебром сияли гвоздики звезд, вколоченные во множестве в огромное черное небо. Ночь стояла такая ясная, что на шляпках покрупнее можно было различить насечку.

⁹ Звездыш (берендейск.) – чекуша-гвоздевка, либо рогульчатое ядро на коротком кистенище

Узкой прокопанной в сугробах тропинкой Кудыка приблизился к воротам об одном полотне и, вынув брус, с трудом приотворил заметенную калитку. По тихой улочке, страшно сопя и громко хрустя настом, кто-то шел, направляясь к дальнему концу слободы, – темный, косолапый и с посохом. А может, и с колом...

– Плоскыня, ты, что ли? – наудачу окликнул Кудыка.

Косолапый обернулся, набычился. И впрямь Плоскыня.

– А то кто же! – всмотревшись, чьи ворота, мрачно бросил он.

– Куда это ты до свету наладился?

– Иех! – вскрикнул в сердцах Плоскыня. Сгрёб с лохматой головы лохматую шапку, хотел было швырнуть под ноги, но, схваченный морозом за уши, тут же нахлобучил снова. – Ну попадись она мне только под правую руку!

– Жену, что ль, опять ищешь? – сообразил Кудыка.

– А то кого же! – гаркнул Плоскыня. – Проснулся – хватить! Нет ее!.. Ну, Докука! Я те покажу, как чужих жен с панталыку сбивать!..

– Думаешь, у него она?

– А то у кого же! – Плоскыня ухнул, ударил колом в наст и захрустел дальше.

Кудыка покачал ему вослед головой, однако личико у самого было лукавое. От самого-то от Кудыки жена давно с греками сбежала, оставив ругательное берестяное письмишко. Да перед тем еще зуб кочергой выбила... Смеялся тогда

Плоскыня над Кудыкиной бедой, ох, смеялся...

Ухмыляясь, Кудыка запер уже калитку, когда снаружи снова захрустел наст, послышались зычные голоса, а потом кто-то грянул кулачищем в воротину, чуть с верейного столба¹⁰ не сорвал.

– Открывай!

Кудыка заробел, но не слишком. В зазорах меж досками полоскались алые отсветы, щели словно облизывались. Раз с огнем пришли – значит не от Кощея.

– А ты кто таков, – сердито спросил Кудыка, – чтоб горло драть!..

– Княжья рать, – складно рявкнули с той стороны. Кудыка вспотел на морозе и кинулся отваливать подворотню. С натужным визгом отъехало, деря наст, дощатое полотно, и во двор, высоко подняв стеклянные греческие лампы, ступили человек семь в кожухах, из-под которых виднелись кольчуги. Первым, раскидывая короткими крепкими ногами полы медвежьей шубы, шествовал дородный Блуд Чадович.

Суров был боярин: из-под горлатной шапки седоватая грива; лик, ежели сбоку смотреть, точь-в-точь как у зубра; глаза строгие, чуть навывкате.

– Так какой же это Докука? – с негодованием спросил боярин, сунув лампу едва ли не в лоб хозяину. – Это ж Кудыка, он мне о прошлом годе шишимору в терем подсадил, лоботес!

¹⁰ Верейный столб (берендейск.) – на коем воротное полотно навешивают

– Кудыка я, – сдавленно подтвердил Кудыка, кланяясь. – А Докука – он, непутевый, на том конце слободы живет...

Блуд Чадович издал досадливый рык, повернулся и молча вышел. Храбры¹¹ расступились, пропуская боярина, и поспешили следом. Последнего Кудыка изловчился поймать за рукав.

– Брате, а, брате...

Тот обернулся, недовольный.

– Что деется? Растолкуй! – взмолился древорез.

– Что деется, что деется... – Храбр нахмурился, потом вдруг прыснул и, кинув опасливый взгляд через плечо, подался к Кудыке. – Вишь, солнышко-то припоздало сегодня... – радостно зашептал он. – Ну, боярин, стало быть, возьми да и проснись до свету... Послал в светлицу к племяннице своей к Шалаве, значит, Непутятичне, а племянницы-то – и того... и нетути... Вот ищем теперь.

Повернулся было идти, но Кудыка не пустил.

– Да что ты мне про племянницу! Солнышко-то припоздало – почему? Может, указ какой оглашали, да я не слышал?

Храбр крякнул, взглянул боязливо на черный восток и, тут же отведя глаза, решительно освободил рукав.

– Не было никакого указа, – уклончиво буркнул он. – Да встанет когда-нибудь, куда денется!..

Кудыка смотрел ему вслед и скреб затылок. Что Плоскы-

¹¹ Храбр (берендейск.) – гридень, кметь, ратник

ня до свету проснулся – не диво, но бояре – они-то ведь чуть не до полудня спят... Ох, и впрямь неладное что-то творилось сегодня со светлым и тресветлым нашим солнышком – ну не желало вставать и все тут! Кудыка потрогал языком прогал в зубах и принялся затворять воротину. А по улочке тем временем пробежали еще две серых тени – тоже с колами и в ту же сторону.

– Эй, берендеи! – позвал Кудыка. – Далеко собрались? Не к Докуке ли?

– К нему, чтоб его пополам да в черепья! – останавливаясь, бросил один из них.

– Не спеши, – посоветовал Кудыка.

– А что такое?

– Да там и без вас народу хватает...

Берендеи уставились друг на друга, запрокинув нечесанные с вечера бороды. Кудыка прижал воротину и наложил засов. Ну, нахлещут сегодня кому-то загорбок!.. Привалил подворотню и двинулся по узкой тропинке меж сугробов к дому.

Дед Пихто Твердятич сидел перед печкой на корточках и совал в огненную утробу очередной стружечный жемок.

– Или погорельцев возьми, – сердито сказал он, не оборачиваясь. – И лезут к нам, и лезут... Попрошайничают, колдуют... И ведь что плетут: солнышко-де у них погорело!.. Не погорело оно, а просто отвернулось от них от забродыг, вот и весь сказ...

Кудыка насупился и, не отвечая, поднялся к себе. Ночник стоял на столе рядом со снаряжением. В трепетном желтоватом свете обозначались сложенные в углу чурочки и дубовый винтовой жом для стружек, задуманный и сложенный самим Кудыкой. Зарядишь в него всякого сора древесного, закрутишь – и выходит стружечный жемок плотный-плотный. Ни дать ни взять греческий кирпич, из каких печка сложена... В слободке над Кудыкой посмеивались: додумался-де, в горнице работает! Так оно ведь светлее, в горнице-то...

Кудыка еще раз взглянул на глухой переплет окна. Брюхо внятно подсказывало, что пора бы уже и позавтракать. Однако до света, не помолясь на ясно солнышко, завтракать было не принято. Вот еще незадача-то... А ежели оно (солнышко то есть) вдруг возьмет и совсем того... не взойдет?.. От такой мысли у Кудыки ерши¹² по телу встали. Почувствовал хрупкость в ногах и опустил на лавку с прислоном.

Трык-трык... Уставился на гуляющее туда-сюда колебало. Да уж не часы ли он греческие сладил ненароком?.. Часы у берендеев были под запретом – все, кроме солнечных. Даром, что ли, волхвы толкуют: не людское это дело время мерить. Солнышко-то оно все видит. Обидится добросиянное и вовсе скроется... Да нет, какие часы? Подлинные часы, скажут, из железа ладят, с цифирью...

Вдруг вскочил, сорвал с валика ремень с гирькой, разъединил пупчатые колеса, снял колебало. Медный позвонок

¹² Ерши (берендейск.) – зубурини, мурашки

грянулся, звякнув, на стол, покатился по кругу. Кудыка заметался по горенке, пряча резные части разобранного снарядца среди чурок и за жомом. Рассовав, остановился, тяжело дыша. Не вынес тишины и снова сбежал в подклет, к деду. Тот сидел у печки и, кутаясь в шубейку, задумчиво пучил глаза.

– Дед, а, дед... – жалобно позвал Кудыка еще с лесенки.

Старый дед Пихто Твердятич очнулся и посмотрел на внука.

– Чего тебе?

– Да вот думаю... Сидим тут на тощее сердце... Вчерашнюю кашу не разогреть ли?..

– И думать не смей! – Деда подбросило с лавки. – Совсем осерчает солнышко – будешь тогда знать!..

Кудыка помялся, поправил светец и, присев рядом с дедом, уронил плечи.

– Вот ты говоришь: погорельцы... – беспомощно начал он. – Солнышко-де от них отвернулось... А почему отвернулось-то?..

Дед долго молчал, жевал губами.

– Согрешили, стало быть, вот и отвернулось, – недовольно ответил он наконец.

– А как согрешили-то? Время мерили?

– Может, и мерили. Кто их знает...

Кудыка приуныл окончательно.

– А греки? – спросил он с надеждой. – Греки-то вон тоже,

говоришь, часы ладят... Что ж оно от них-то не отвернулось, от греков?..

– Это кто ж тебе сказал, что не отвернулось? – Дед зловеще усмехнулся. – Еще как отвернулось! Солнышко-то садится – куда? В Теплынь-озеро. А греки как раз за Теплыню, на том берегу... За краем света, стало быть...

Опешил Кудыка.

– Что ж они, выходит, во тьме живут?

– Выходит, во тьме...

– А варяги?

– И варяги! – решительно отрубил дед, потом хмыкнул и задумался. – Нет, ну... – покашливая, добавил он. – Когда солнышко встает, оно немного и варягам светит... А когда садится – грекам...

Замолчал, моргая. Кудыка глядел на него во все глаза, и в голову лезло такое, от чего у доброго берендея, глядишь, последний ум отшибет.

– А как же греки сказывают, – с запинкой спросил он, – что у них солнышко жарче нашего?..

– А ты больше греков слушай! – огрызнулся Пихто Твердятич. – Они тебе много чего понараскажут, греки-то... Просто морок такой бывает над Теплынь-озером. Сразу после заката. Так и называется – ложное солнце. Или греческое... И жара от него никакого нету, видимость одна...

– Да погоди ты, дед! – взмолился Кудыка. – Морок – лад-

но! Кляп ¹³ с ним, с мороком... Но само-то солнышко, оно ж едино!..

– В двух ликах, – строго добавил дед, поднимая корявый палец.

– Это понятно... – торопливо поправился Кудыка. – Четное, стало быть, и нечетное... Но ведь оба лика-то – все равно светлые!.. Как же оно тогда отвернуться может? Чем оно отвернется-то?..

Дед открыл было рот, но, видно, и у него тоже в голове захлестнуло – так ничего и не ответил старый...

А что до двух солнечных ликов, то тут дело было тонкое. Всякий берендей точно знал, четное сегодня солнышко на небесах или же нечетное. Ежели, скажем, выйдешь на заре, когда раскаляется оно еще не добела, а только докрасна, и увидишь, что плавает по тресветлому этакое темное пятнышко, то, стало быть, день ныне – четный. И хотя волхвы твердили неустанно, что оба солнечных лика одинаково благосклонны к добрым берендеям и разнятся лишь затем, чтобы легче было дни отличать, – разве что дурачок какой решился бы при четном солнышке затеять новое дело: пиво там затереть или, скажем, соху новую изладить.

И, что хуже всего, вставать сегодня не желало именно нечетное, счастливое солнышко, при котором хоть резные чурки-берендейки волхвам неси, хоть обоз снаряжай за пеплом да золой к Теплынь-озеру...

¹³ Кляп (берендейск.) – часть мужеска тела

– Да нет, – возмутился вдруг дед Пихто Твердятич. – Не за что ему на нас гневаться... Это, видать, сволочане нагрешили – с них станется! А мы-то теплыньцы!..

– А!.. – Кудыка в ответ лишь рукой махнул. – Что совой об пень, что пнем об сову... Солнышко-то и нам, и им светит...

– Да как это ты говоришь: все едино? – вскипел дед. – Они, значит, виноваты, а мы в темноте сиди?..

Тут где-то неподалеку на заснеженной улочке свистнуло, гаркнуло, и Кудыка вскинул голову.

Либо пойти взглянуть?.. – боязливо пробормотал он, встал и затянул потуже опояску.

* * *

Свистнуло, гаркнуло, гулким эхом ¹⁴ отдалось за черной Вытеклой. И полезла с огнем, подвывая, из подворотен и калиток на заснеженные улочки опростоумевшая от страха слободка. Въевшись глазами в черный, как сажа, восток, заголосили бабы, растерянно рывкнули на них мужики. Велик был народный вопль...

Те берендеи, что проснулись раньше всех и хватились жен, слышав общий крик, опомнились, закрутили головами. Остановился, как в лоб поленом озадаченный, боярин

¹⁴ Эхо (греч.) – лесная баснословная девка, повторяющая что скажут; отголосок тож

Блуд Чадович, не дойдя каких-нибудь двух переплетов¹⁵ до ветхой Докукиной избушки. Тоже, видать, сообразил, что племянница-то в терем вернется, а вот солнышко...

Стужа стояла такая, что зубы смерзались. Вспомнилось даже присловье: «Лешие, чай, озябли, не ровен час греться придут». Присловье, понятно, шутейное: в лесу дровец куда больше, чем в слободе, – и все же Кудыке почудилось и не однажды в свете съезжившихся на холоде огней, что метнулась за сугроб косматая серая тень. Лешие-то, как известно, шастают в вывороченных наизнанку шубах. Обычай у них такой...

Ужаснувшиеся берендеи сбивались в толпы, кричали наперебой и все порывались идти кого-то бить, только вот никак не могли решить, кого.

– Пустили погорельцев? – надрывался некто и сам не слишком отличавшийся от выходца из Черной Сумеречи – дыры сплошь да заплатки. – А они вон ворожат, воду в ложке замораживают, порчу наводят!.. Что? Не так?.. Мы-то солнышко Ярилом зовем! А они что Ярилом зовут? Сказать стыдно! Кляп мужской... Да как же ему, солнышку, то есть, добросиянному, не обидеться?..

– Берендеи! – не дослышав, о ком речь, бухнул кто-то, как в колокол. – Потопим всех греков в Вытекле!..

– Я те потоплю! – зычно прикрикнул подоспевший с дружиною боярин Блуд Чадович. – С греков пошлина в казну

¹⁵ Переплет (берендейск.) – мера длины

идет!..

– А им, толстопузым, мощна дороже солнышка! – прозвенел в ответ молодой дерзкий голос.

Запахло смутой. Храбры нахмурились, сдвинулись плотнее вокруг боярина, подергали на всякий случай сабельки в ножнах – вдруг примерзли? Трепетали огоньки в скляницах греческих ламп, трещали запрещенные смоляные свечки. До смуты, однако, не дошло.

– Да чего гадать? Волхвов спросить надобно! – сообразил вдруг Кудыка.

– Вер-рна! Тащи сюда волхвов! Мы их, понимаешь, кормим-поим, а у них вон и солнышко не встает!..

– Ну ты с волхвами-то... побережней!..

– А чего их теперь беречь? Солнышка-то так и так нетути!.. Проспали солнышко!..

Заполошно взвыла какая-то баба, а за ней и все прочие.

– Тихо! – орал, продираясь сквозь толпу на дырявых локтях, Шумок, прозванный так давно и неспроста. – Тиха!.. Виноватых ищите? Сами виноватые!.. Солнышку от вас жертвы надо, а вы что ему жертвуете? Чурки резные?..

Толпа ухнула нутром, заворчала угрожающе.

– Ну ты полегче, насчет чурок-то!.. За чурки, знаешь...

– Берендеи! Да что ж это? Идолъцев резных чурками зовет!..

– На чертоплешину ¹⁶ давно не нарывался?

¹⁶ Чертоплешина (берендейск.) – удар плашмя по голове

– Да погоди, может, что дельное скажет!..

Шумок полез на плотный сугроб, то и дело проваливаясь, ища места повыше и покрепче.

– Куколок-берендеек режете? – зловеще спросил он, утвердись. – А что они означают, куколки-то? Берендейки-то!

– Берендеек и означают, – сердито ответили из толпы.

– Вот! – закричал Шумок, заслоняя звезды воздетыми над головой мохнатыми рукавицами. – Вот она, жадность-то людская! В прежние времена для солнышка берендейку выбирали, и не абы какую, а самую что ни на есть молодую, пригожую!..

– Да это когда было?

– Да когда бы ни было!.. А теперь? Что ж оно, солнышко-то, слепое? Идола деревянного от живого человека не отличит? И ладно бы хоть в рост в берендейский резали, как раньше, а то ведь совсем уже стыд потеряли – режут куколок с локоток!..

В запальчивости Шумок отрубил на правой руке размер куколки, и толпа взревела от обиды. Очень уж оскорбительным вышло у него это движение.

– Да отшелушить его на обе корки!..

– Вот из-за таких-то и солнышко вставать не хочет!..

– Боярин, чего смотришь? За виски да в тиски!..

Блуд Чадович стоял в раздумье, уперев бороду в грудь, отчего и вовсе стал похож на зубра. Ежели, конечно, сбоку

смотреть.

– Ты... – начал он, бросив на Шумка из-под тяжелой боярской брови недобрый взгляд, и толпа стихла. – Ты давай не петляй. Прямо говори: куда клонишь-то?..

Шумок приосанился, огляделся. Шеенка – тонкая, сам сморчок сморчком, весь вывихнутый, изломанный. А горло, не иначе, луженое...

– Человеческой жертвы хочет солнышко! – объявил он ликующе.

Толпа оторопело моргала заиндевелыми ресницами. Ойкнул девичий голос.

– Вот тебя и принесем сейчас, – кровожадно пообещала Шумку богатырского сложения баба, и все неуверенно взгоготнули. Потом вдруг задумались, переглянулись и, приподняв смоляные свечки, пристально всмотрелись в Шумка.

– Эй! Вы что это?.. – Он попятился и тут же провалился в сугроб по пояс. – Нашли берендейку!.. Кто ж мужиков-то в жертву приносит?..

Нет, в жертву, конечно, Шумка приносить бы не стали, а вот потоптать, как водится, потоптали бы. Спасло чудо. На мохнатые снежные крыши с замороженным над трубами дымом лег внезапно нежный розовый отсвет. Шумно выдохнув по клубу пара, повернулись к востоку. Там, над обозначившейся вдруг зубчатой синеватой цепью Кудыкиных гор уже разгоралось алое зарево, а через несколько мгновений явилось, взмыло в небо долгожданное солнышко.

Все так и ахнули. А приглядевшись – охнули. По алому шару бродило, то появляясь, то исчезая, темное пятнышко. Хотите верьте, хотите нет, а только солнышко восходило четное. Второй день подряд.

Глава 2.

Утро ясное

За ночь выстыли не только горенки. Неслыханный мороз сковал округу. Разве что на границе с Черной Сумеречью случалась накануне весны такая стужа. Зеркальная Вытекла опушилась туманом, лес на том берегу стоял белый, косматый. Уносящееся ввысь солнышко плясало от холода, а плавающее по нему темное пятно было отчетливым, как никогда.

Жуткая выпала ночка, да и утречко не лучше. Отродясь такого не бывало, чтобы два дня подряд оказались четными. На торг, понятно, никто не поехал: какие уж тут торги! Двинулись было всей слободкой бить погорельцев, но те еще ночью смекнули, что будут бить, и куда-то попрятались. С горя развалили им землянки да и вернулись ни с чем.

Толки шли такие, что оторопь брала и сердце зябло. Шептали, к примеру, о близком конце света, предрекали всеобщую смуту. Вспомнили, конечно, и про лежащий неподалеку в развалинах мертвый город, за грехи обитателей дотла спаленный солнышком в незапамятные еще времена и ныне населенный одними только беженцами из Черной Сумеречи.

Боярин Блуд Чадович послал за волхвами. Явился один – весь в оберегах, с медным гладким ликом на посохе. Зато у

самого харя – хоть топоры на ней точи. Въедливый Шумок пристал к волхву, как пьяный к тыну: скажи да скажи, чем провинились перед солнышком. Кудесник отвечал уклончиво: разгневали, дескать, всем по мелочи – идольцев вон резных жертвуете неохотно, золу с Теплынь-озера редко вывозите...

Всколыхнулся слободской люд, загомонил:

– Да нам ее и не положено вывозить, золу-то! Она нам вообще без надобности. Это вон сволочане землю золой удобряют, с них, стало быть, и спрос!..

– Идольцев мы не жертвуем? А кто ж тогда жертвует, если не мы?..

– Ты, кудесниче, плети-плети, да оглядывайся!.. Это что ж выходит: на волка поклеп, а зайцы кобылу съели?..

Волхв понял, что оплошал, начал исправляться.

– Ну, жертвовать-то, допустим, жертвуете, – признал он с неохотой. – А стружки снимаете много. Возьмешь берендейку в руку, а в ней и весу нет...

Возроптали древорезы. Насчет стружки распря шла давняя. Дровами дом обогреть – разоришься, поэтому резать чурки старались поглубже и поискуснее. Оставшуюся в избытке стружку отправляли под гнет, а получившимися жемками древесными топили печи. А зимы-то ведь год от году становились все студенее и студенее...

– Так оно что ж, по-твоему, солнышко-то? – жалобно закричал Кудыка. – На вес, что ли, жертву принимает? Оно,

тресветлое, на красоту резьбы смотрит!..

– По счету приносим, куколка в куколку!.. – врубился в спор Плоскыня.

– Да вы-то приносите... А вот сволочане...

Ну, услышав про сволочан, народ и вовсе кадыки распустил. Не любили теплыньцы сволочан. Да и те их тоже... Так уж издавна повелось, что одни промышляли хлебопашеством, а другие ремеслами и торговлей. Много обид накопилось, много...

– Все леса свои выжгли, под пашню извели... – бушевали древорезы. – Конечно, им теперь и берендейку вырезать не из чего!..

– Только и забот, что землю сохой ковырять!..

– И цены на хлеб нарочно поднимают. Ну где это видано: пять берендеек за мерку?..

Найдя виновных, приободрились, даже приосанились. Шумок, правда, не удержался, вылез опять насчет конца света и человеческой жертвы, за что огреб с ночи еще заработанную чертоплешину, да и суходушину ¹⁷ в довесок. Не будь рядом волхва, точно бы потоптали.

Кудесник осерчал, стукнул в мерзлую землю посохом и, прекратив начавшееся уже избиение, разобъяснил, что жертвы человеческие солнышку не угодны, а вот по лишней резной берендейке в следующий раз накинуть – оно бы и непло-

¹⁷ Суходушина (берендейск.) – удар кулаком меж плеч, отчего спирается дыхание

хо. Хотел идти, но был остановлен Кудыкой.

– Кудесниче! А завтра-то какое солнышко взойдет? Четное али нечетное?

Заморгал волхв, призадумался. И такая вокруг тишина запала, что каждый поскрипышек снега в ушах отдаваться стал. Вопрос задан был нешуточный: а ну как солнышко всякий раз с пятном вставать будет? Этак век удачи не видать...

За лениво пересверкивающими сугробами парило зеркало никогда не замерзающей Вытеклы. Кудесник покашлял, насупился.

– Солнышко, оно... – без особой уверенности начал он, – к детям своим, ясное дело, милосердо... Однако и мы ему тоже не указ... Так-то вот...

Словом, рассудил – как размазал.

* * *

Со щепой за сердцем вернулся Кудыка домой. Синели снежные тени. Сияло над головой, слабо пригревая, раскалившееся добела недоброе меченое солнышко. Темное пятно на нем давно сгнуло, растворилось. К вечеру покажется снова, только будет оно тогда (пятнышко то есть) посветлее, понеприметнее.

Кудыка окинул тревожным оком свое умышленно неказистое жилище. Вчерне сделано, вбеле не отделано, а вкрасне и отделявать не будем... А то царю – плати, князю – плати,

боярину Блуду Чадовичу, катись он под гору, опять плати... Берегиням, лешим... Да еще вон волхвы что-то новое затевают. Лишнюю берендейку им, понимаешь, добавь!.. Проще уж убогим прикинуться...

В раздумье поднялся Кудыка в горенку, поколебавшись, снова собрал резной снарядец, однако заводить не стал – отставил в угол. Выбрал вчера еще размеченную и надрезанную чурку, подсел к низкому верстачку у самого окна, но работа не сладилась. Резцы падали из рук, думы одолевали...

Нутром чуял Кудыка: новые времена наступают. А от новых времен хорошего не жди. Что новизна – то кривизна...

Старого деда Пихто Твердятича дома не было – не иначе, на торг поковылял, с такими же, как он, дедами язык чесать. Подумал Кудыка, подумал и решил заглянуть в кружало¹⁸. Можно, конечно, было просто сходить в погреб, прихватить там сулею¹⁹ доброго вина, капустки с ледком, рыбки вяленой... Однако пить в однова не хотелось. Тоскливо в пустом доме. Зябко.

Спустив с цепи обоих кобелей (дед-то совсем плох стал – сам уходит, а двор без охраны оставляет), Кудыка выбрался на улицу и, прислонив кол к воротам, хитрой железной ключкой запер калитку. Снизу, оттуда, где Вытекла подвильнула под самые дворы, хрустя снежком и кивая коромыслом, подходила рослая Купава, жена Плоскыни. Плескалась в доща-

¹⁸ Кружало (берендейск.) – питейный дом

¹⁹ Сулея (берендейск.) – скляница, горлатая посудина

тых бадейках парная водица.

– Здорово ли живешь, Купава?

– Да уж здорово там! – отозвалась она, спесиво вздернув нос. Свежий синяк под левым глазом Купавы сиял не хуже солнышка.

– Не убереглась, значит, вчера?

Та приостановилась и задорно подбекренилась, придерживая коромысло одной рукой.

– Всем бита, – то ли похвасталась, то ли пожаловалась она. – И об печь бита. Только печью не бита...

– Ишь ты... – Не зная, что и сказать, Кудыка поскреб в затылке, сдвинув шапку на глаза. – А не видела: там по Вытекле греки не плывут, случаем?

– Ну как это не плывут! Плывут вовсю...

– Ага... – молвил Кудыка и решил пройти к кружалу дальним путем мимо пристани. Смекалистого древореза всегда тянуло к заморским гостям. Сильно он их уважал за хитрость и выдумку во всяческих поделках. Было чему у них поучиться. Недаром же говорят: у грека на все снасть имеется...

Верно, плыли. Приставать, правда, на этот раз не собирались. Червлёный грудастый корабль с лебединой шеей шел нарыском ²⁰ вниз по течению, держась близ левого берега, где Вытекла была особенно глубока. Обратным, стало быть, путем: из грек в варяги. Кудыка выбрался на край пристани

²⁰ Нарыском (берендейск.) – силою тока воды, без парусов

и оказался в трех переплевах от крутой червленной боковины судна.

– Здорово ли плавали, гости заморские?

Из слаженного на корме чердака выглянул черный вертлявый грек. Зябко кутаясь в беличью шубу, взгляделся, заулыбался.

– А, Кудика? Здорово-здорово... – прощебетал он, смешно выговаривая слова.

Гладкая пологая волна лениво доколебнулась до берега. Над водой курился парок. Корабль плыл – как в лебяжем пуху.

– Поздненько вы сегодня, – заметил Кудика и двинулся вниз по пристани, стараясь держаться вровень с кормой. – Тоже, небось, солнышка дожидались?

Грек закатил глаза, вскинул плечи, поцокал языком.

– И сто это у вас не поймес ницего? – посетовал он. – Днем – ночь, ночью – день...

– А у вас так не бывает? – полюбопытствовал Кудика.

– Не-ет, не бывает... Все по часам? – И грек как бы в доказательство извлек из шубы серебряный предмет с цифирью и стрелками. Кудика аж крякнул от зависти. Вот ведь делать наловчились – в руке умещается...

Хотел было спросить, как же это так получается, что солнце на всех одно, а восходит по-разному, но тут из чердака на корме ступил на палубу огромный белоглазый варяг с важным неподвижным лицом закоренелого самородного дурака.

Этот был в подбитом мехом плаще поверх заиндедеввших доспехов.

– Глюпый нарот, – надменно глядя на Кудыку, молвил он и отвернул ряшку.

– А кому это вы такое везете? – поспешил тот заговорить о чем-нибудь другом.

На носу прихваченная веревками громоздилась часть какой-то сложной, видать, махины ²¹ Разглядеть ее поподробнее Кудыка так и не успел.

– Князю васэму, Долбосвяту, – любезно известил грек.

– Я те дам Долбосвята! – осерчал дроворез. – Столпосвяту, а не Долбосвяту!..

Но тут пристань кончилась. Кудыка недовольно посмотрел на удаляющуюся высокую корму и, сердито ворча, пошел обратно.

До кружала уже было рукой подать, когда из проулка, где белыми медведями ²² лежали огромные сугробы, навстречу Кудыке, тоже опираясь на кол, выбрался синеглазый красавец Докука. Полушубок, несмотря на мороз, как всегда, распахнут на широкой груди, русая борода задорно приподнята.

– Гляди-ка, жив! – подивился Кудыка, мигом перестав ворчать. – А я уж думал, поймали тебя вчера... Ты не в кру-

²¹ Махина (греч.) – снаряд, подсилок

²² Белый медведь – баснословный зверь, якобы, обитающий в Черной Сумеречи (прим. ред.)

жало?

– В кружало, – с достоинством сказал Докука и, оглянувшись, озабоченно понизил голос: – А кто ловил-то?..

– Да все кому не лень!

Оба двинулись в одну сторону, еле уместаясь вдвоем на узко протоптанной тропке. Кудыку разбирало любопытство.

– Как же ты их обморочил-то?

– А я дома не ночевал, – беспечно ответил Докука.

– Где ж ты был?

Красавец ухмыльнулся.

– Так тебе все и скажи...

– Да-а... – с некоторой завистью протянул Кудыка. – Верно говорят: в чужую жену бес ложку меда кладет... Но, кабы не суматоха вчерашняя, ох, брат, туго бы тебе пришлось...

– Что за суматоха? – не понял Докука.

Кудыка даже остановился.

– Так ты что? Ничего еще не знаешь?

– Да я же только проснулся, – пояснил тот.

– Ну ты прямо как боярин спишь... – только и смог вымолвить Кудыка. – Чуть конец света не проспал!.. Солнышко-то! На полдня, почитай, запоздало! А поднялось – посмотрим: мать честная! Опять четное!..

Докука недоверчиво запрокинул голову и прищурился. Однако днем пятен на солнышке не разглядишь.

– Ладно врать-то... – буркнул он сердито.

– Да чтоб мне печкой подавиться! – поклялся в запальчи-

вости Кудыка. – А не веришь – давай людей спросим!..

Людей поблизости было двое. У ворот кружала стояли и орали друг на друга Плоскыня и Шумок. Глоткой Шумок был посильнее, зато в руках у Плоскыни имелся кол, которым он вот уже несколько раз на Шумка замахивался.

– Волхвы позорные! – надседался Шумок, привычно пригибаясь в ожидании дрекольного тресновения. – Посох взял, оберегов на себя навешал – вот и волхв!.. О чем ни спроси – ничего не знает! Ты ему дело, а он про козу белу!..

– Ты волхвов не замай!.. – беспомощно тараща глаза, сипел Плоскыня, успевший сорвать в неравной сваре голос. На левой щеке красовались четыре глубокие запекшиеся царапины. – Ими наше ремесло стоит! Кому мы из дерева идольцев режем?.. Кто солнышку жертвы приносит? Много мы от них зла видели? Одно добро!..

– Вот-вот! Только о своем добре и печетесь! – поддел Шумок.

Тут подошли Кудыка с Докукой.

– Добро, добро, а ноги кривы, – лениво обронил Докука, с насмешкой глядя на Шумка.

– Ноги кривы, да душа пряма! – не раздумывая, огрызнулся тот.

– Берендеи! – воззвал к спорщикам Кудыка. – Вот, понимаешь, не верит... Подтвердите, что солнышко-то наше тресветлое... того... четное опять.

– Было оно тресветлым, – сгоряча бросил Шумок.

Древорезы опешили и воззрились на смутьяна.

– А... какое ж оно, по-твоему?

Шумок зловеще ухмыльнулся.

– А сами сочтите... Нечетное – раз. Четное – два. Где ж тресветлое-то? Двусветлое получается. Волхвы вам голову морочат, а вы и верите! Эх!.. Правда-то, она, видать, прежде нас померла...

– Ну ты не больно-то умничай! – обиделся Плоскыня. – Умней тебя в прорубь летали!.. И ничего. Только булькнули...

– А хоть бы и в прорубь! – отвечал ему бесстрашный Шумок. – За правду-то!..

– Ну, до правды, брат, не докопаешься, – примирительно заметил Кудыка.

– Докопаешься, ежели мозговницей потрясти! – заорал Шумок, срывая шапку и тыча в сильно прореженные слободским людом патлы. Нахлобучил снова и вскинулся на цыпочки, став при этом Кудыке по бровь, а Плоскыне с Докукой – по плечо. – Миров у нас всего сколько?.. Три. Верхний – Правь... – Шумок воздел мохнатые рукавицы к небу. – Средний – Явь... – Тут он почему-то указал на кружало. – И нижний – Навь²³. – Притопнул по плотному насту. – Так?

– Ну, так... – согласились, моргая, древорезы.

– А жертвы кому приносим?

– Солнышку...

²³ Навь (берендейск.) – царство мертвых

– Ну так, значит, капище-то ²⁴ должно быть поближе к Праву. К небушку то есть... Где-нибудь на Ярилиной горе место ему. А оно у них где? В низине!.. А видели, куда они, волхвы-то, берендейки наши в бадьях спускают? Под землю, в черную дыру бездонную! В навий мир, в преисподнюю то есть... Так кому же мы жертвы-то приносим?!

* * *

Убивали Шумка долго и сердито – в три кола. Поначалу он еще катался по растоптанному снегу, все норовил отползти. Потом устал, закрыл голову мохнатыми рукавицами и обмер, при каждом новом ударе дергаясь и ухая нутром. А там и вовсе умолк.

Убивать его стало скучно. Древорезы опустили дреколье, выругались, плюнули – и, переводя дух, снова двинулись к кружалу, злые и неудовлетворенные.

У ворот стояли и посмеивались, глядячи на них, двое недавно, видать, подошедших храбров из княжьей дружины – в кожухах поверх кольчуг.

– Чего ж не доби́ли-то? – лениво упрекнул тот, что постарше и побровастее. – Оживет ведь...

– Дык... – беспомощно сказал Плоскыня, оглядываясь на недвижимое тело. – Несподручно в шубейках-то. А скинуть

²⁴ Капище (берендейск.) – храм идольский

не догадались... Да и кола жалко. Обломишь об него кол, об живопийцу, а потом иди лешему кланяйся, чтоб новый позволил вырубить...

– Это да... – раздумчиво молвил храбр. – Теперь не то что раньше. Раньше кол – тьфу, раньше из них, говорят, городьбу городили. А теперь – не-ет...

– Может, замерзнет еще, – с надеждой предположил Докука. И тоже оглянулся. Шумок лежал горбом вверх и признаков жизни не подавал.

Храбры запрокинули ряшки и жизнерадостно взгоготнули.

– Мы его, мил человек, – весело объяснил тот, что помоложе (курносый, рыло – дудкой), – тоже вчера дубинным корешком обошли.

– А чего?

– Чего-чего! Допек, вот чего...

– Да нет, чего корешком-то? У вас же вон и железо при себе.

Старший насупился, посуровел.

– Железом – дело подсудное, – крякнув, глухо сказал он.

Кудыка озадаченно поморгал обмерзшими ресницами.

– А колами, выходит, неподсудное? – недоверчиво спросил он старшего.

Храбр ухмыльнулся.

– Ну, это как посмотреть... Чарку поднесешь – стало быть, неподсудное.

– Да как же не поднесем, мил человек! – радостно вскричал Плоскыня. – Поднесем! А там, глядишь, и вторую!..

Толпой они вошли в широкий двор и мимо сушила, мимо омшаника ²⁵ двинулись к приземистому кружалу. За ведро вина желтоглазый хозяин слупил втридорога, сославшись на то, что дешевле никак нельзя: солнышко-то вон в небесах опять четное, того и гляди, конец света настанет. Кудыка с Плоскыней, кряхтя, полезли в глубокие пазухи за идолеццами, но красавец Докука с белозубой усмешкой сделал им знак не суетиться и ко всеобщему удивлению бросил на дубовый стол серебряную греческую денежку. У кого ж это он ночевал сегодня? Не иначе, у боярыни у какой. Слободские-то красавицы серебра не держали, а расчеты на торгу вели с помощью все тех же резных куколок-берендеек, иноречиво именуемых «деревянные».

Желтоглазый хозяин расставил ковши, принес ведерную эндову ²⁶ вина и берендейку сдачи с отбитым носком, тут же небрежно сунутую Докукой за пазуху.

Кудыка с благодарностью принял полный ковшик, по ободку которого шла надпись: «Человече! Что на мя зриши? Пей,» – и лукаво покосился на Плоскыню.

– Поучил, стало быть, Купаву?

Тот насупился по-медвежьи, брови натопырил, губы отдул.

²⁵ Омшаник (берендейск.) – проконопаченный амбар

²⁶ Ендова (берендейск.) – широкий сосуд с рыльцем для разливки питей

– А то как же! – рывкнул он кровожадно. – Сбил да поволок, ажно ²⁷ брызги в потолок!..

Все с сомнением взглянули на его левую щеку с четырьмя глубокими царапинами, но спорить не стали.

Кроме троих древорезов да двух храбров, в кружале, можно сказать, никого и не было. Сидел лишь в дальнем конце длинного стола никем не знаемый берендей – не берендей, погорелец – не погорелец... Что-то он там про себя смекал, вздымал бровь, подмигивал хитро неизвестно кому. И чарку не глотом глотил, а смаковал, причмокивая.

Храбры и древорезы выпили по чину за здоровье старенького царя-батюшки Берендея и заговорили о событиях прошлой ночи. Да и вообще о нынешних временах. Вздыхали, охали, почесывали в затылках...

– Померещилось мне, что ли, под утро... – пожаловался в недоумении Кудыка. – Будто лешие по слободке шастали...

Румяный Докука уставил на него синие очи и заморгал. Много, многое проспал он сегодняшним утром...

– Ничего не померещилось, – буркнул храбр постарше, именем Чурило. – Еще как шастали!.. Сам видел...

– Дык... это... – опешил Плоскыня. – Они же к жилью не подходят!

– Подойдешь тут, когда такое творится! В лесу-то, чай, еще страшней было, чем в слободке...

– Да-а, дела-а...

²⁷ Ажно (берендейск.) – инда

– Обнаглели лешие! – сказал обиженно синеглазый красавец Докука. – Мало того, что сами шубу наизнанку носят, так еще и других выворачивать заставляют! В лес войдешь – переобуться изволь, с левой ноги на правую...

– А не переобуешься?

– А не переобуешься – перетемяшат ²⁸ поленом, отволокут в чашу да и бросят. Выбирайся потом... Это у них теперь «лесом обойти» называется. Совсем стыд утратили. Дерево вырубить – шесть берендеек им выложи...

– А не пять? – усомнился Кудыка.

– Пять? В том-то и клюква, что шесть...

Несколько мгновений Кудыка сидел неподвижно. Остолбуха нашла. Медленно повернулся к храбрам.

– А вы-то что ж, дружинушка хоробрая? – упрекнул он их с горечью. – Нет, чтобы взять да и очистить лес от погани от этой... единым махом...

Те насупились, крякнули.

– Очистишь тут, как же! – проворчал степенный Чурило. – Думаешь, боярину нашему ничего от них не перепадает? От леших-то...

Наивный Плоскыня ахнул тихонько, с ужасом глядя на храбра. Кудыка же с досады чуть не плюнул.

– А ежели князь узнает? – подмигнув, тихонько спросил Докука.

– Князь?.. – Чурило приостановился и царапнул искоса

²⁸ Перетемяшить (берендейск.) – перелобанить

недобрым взглядом пьянчужку за дальним концом стола. – Сказал бы я тебе, да лишние бревна в стенах есть...

Примолкли, нахмурились. Потом налили по второй и выпили кстати за здравие князя теплынского Столпосвята со княгинею.

– И земля вон намедни тряслась... – вздохнул удрученно молодой курносый храбр, именем Нахалко. – С терема боярского маковка упала...

Древорезы встревожились.

– Котора маковка?

– Правая...

– А-а... – Покивали, успокоились. – Ну, это капель не на нашу плешь... За правую мы не ответчики...

В этот миг на дальнем конце стола наметилось движение. Оглянулись и увидели, что пьянчужка, упершись широко расставленными руками в дубовую столешницу, пытается встать. Бровь – заломлена, глаз – поперек.

– Кто... бревно?.. – осведомился он с угрозой. – Ты... кого тут... бревном?..

Все ждали с любопытством, что из этого выйдет, но суставы у пьянчужки подвихнулись разом, и он вновь тяжело сел на лавку, взболтнув нечесанной головой. Так ничего и не дождавшись, вернулись к разговору.

– Маковка... – усмехнулся Чурило. – Хорошо хоть терем устоял!.. Земля-то на чем держится? На трех китах... Вот один из них, стало быть, хвостом плеснул, а в загривке-то –

отдается... Ну и земля, знамо дело, колеблется... Она ж как раз на загривке у него и лежит. Не шутка, чай...

Скрипнули петли входной двери, и на пороге возникло облако пара, а в нем отмерзший Шумок. Словно бы и не битый. Весь, как всегда, переплюснутый, искривленный, только что щека и шапка – в инее. Торжествующе оглядел присутствующих.

– Думали, помер? – спросил он негромко, и личико его озарилось злодейской радостью. – А я вот взял да и пришел!..

– Дверь прикрой, изверг! – гаркнул желтоглазый хозяин. – Кружало выстудишь!..

Шумок притворил дверь и, заметно приволакивая ногу, приблизился к онемевшим берендеям, сел.

– Кто убивал, тот и поит, – объявил он, без стеснения беря ковшик, что поближе.

Остальные переглянулись, поерзали, посопели и, махнув рукой, кликнули хозяина, чтобы принес еще одну посудину.

– Живуч, – скорее одобрительно, нежели осуждающе изронил Чурило. – Пополам перерви – двое вырастут...

– Это что!.. – пренебрежительно молвил Шумок, осушив полный ковшик и лихо обмахнув усишки. – Вот на Ярилин день меня, помню, всей слободкой топтали...

– Так ить... затопчем когда-нибудь... – жалостливо на него глядя, сказал Плоскыня.

– Правду не затопчешь! – гордо отозвался Шумок и разлил остатки вина по ковшикам. – Выпьем за правду, берен-

деи!.. Правдой свет стоит...

Все несколько одеревенели от такой здравицы. Чурило – так даже поперхнулся.

– Стоит... Рушится он, а не стоит! Девать уже некуда правды твоей!..

И опять вовремя вмешался молодой Нахалко.

– А вот еще сказывают... – таинственно понизив голос, торопливо заговорил он. – Из преисподней навьи души на белый свет вылезать начали... Мертвецы то есть...

Все вздрогнули и уставились на курносого храбра.

– Это как?

– А так. Открывается, сказывают, в земле дыра и лезет оттуда такой весь черный, чумазый и с кочергой...

– Так какие же это мертвецы? – возмутился Докука. – Если с кочергой – значит бес!.. Про хвост ничего не слышал? Хвост-рога были?..

– Да нет, точно мертвецы! – зардевшись, горячо заспорил курносый. – Признали одного сволочане... Согрешил он когда-то против солнышка, ну и сбросили его, значит, волхвы прямиком в преисподнюю... А он, вишь, обратно вылез...

С дальнего конца стола послышался внятный смешок, и все, кроме припавшего к ковшику Шумка, опять обернулись. Пьянчужка сидел, подперев по-бабьи щеку, и глумливо разглядывал бражников.

– А в хрюкальце? – грозно спросил Плоскыня.

Пьянчужка не ответил, но внимание сосредоточил теперь

на нем одном. Аж колебался, болезный, как отражение в воде, до того начекалдыкался. Плоскыня крикнул негодующе и отвернулся.

– Вот она, правда-то! – возликовал тем временем Шумок, пристукнув по столу доньшком повторно осушенного ковшика. – Еще и мертвецы из-под земли лезут! По всему видать, последние времена настали...

– Да ты погоди... – остановил его рассудительный Кудыка. – Волхвы-то что говорят? Что никакого конца света не будет...

– Волхвы! – Шумок скривился. – Ты вон спросил его, какое завтра солнышко встанет – четное или нечетное... Много тебе он ответил?

– Н-нечетное... – выговорил вдруг пьянчужка, снова скидываясь над дальним краем стола.

Берендеи примолкли и в который раз всмотрелись в незнакомца, правда, попристальнее.

– А ты почем знаешь? – нехорошо прищурился Чурило. Другой бы мигом опомнился, уловив опасный блеск из-под мохнатых сурово сдвинутых бровей. С княжьей дружиной шутки плохи. Однако пьянчужке, видать, давно уже море²⁹ было по колению. Окинув храбра охальным взглядом, он презрительно скривил рот и вдруг испроговорил такое...

– Катали мы ваше солнце!..

²⁹ Море (берендейск.) – Теплынь-озеро

Глава 3.

Грамота государева

Бить его не решились. Сообразили: не людского суда требует столь неслыханное кощунство. Ну ладно бы еще оскорбил волхва или там идола какого-нибудь резного... Но чтобы само ясное солнышко!..

Шумок, правда, кинулся со взвизгом на пьянчужку, но храбры его вовремя перехватили и кол отняли. Тем более что и кол был не его, а Кудыкин...

Солнышко стремительно падало в невидимое отсюда Теплынь-озеро, плавало по тресветлому еле заметное пятнышко, на которое так и забыли указать недоверчивому Докуке. Не до того было...

Когда выбрались из слободки, толпа возросла вчетверо, если не впятеро. Впереди два суровых храбра вели связанного пьянчужку. Моргал, стервец, крутил испуганно головой и, кажется, трезвел на глазах. Сказанные им в беспамятстве слова передавали друг другу шепотом. Бабы ахали, хватались за побледневшие щеки. Мужики изумленно бранились.

Справа горбились схваченные снегом развалины мертвого города Сволочь-на-Сволочи. Кое-где карабкался в вечерующее небо жидкий грязноватый дымок: погорельцы уже, должно быть, починили сломанные утром землянки и теперь

отогревались, как могли. Поначалу при виде угрожающе галдящей толпы слобожан они вообразили, что их опять идут бить, хотели было дать деру, однако, уразумев, в чем дело, осмелели и вылезли поглазеть, хотя приблизиться вплотную так и не решились.

Толпа выла, потрясала дрекольем и призывала тресветлое солнышко пасть на плешь дерзкому пьянчужке, испепелив того до самых до пят. Горбатые сугробы справа кончились, снежок под ногами перестал скрипеть, начал всхлипывать. Капище было уже близехонько. Вскоре пошел снежный уброд, потом хлипкая грязь и наконец просто влажная земля, кое-где прикрытая молодой ярко-зеленой травкой. Теплая эта полоса тянулась через всю страну берендеев с востока на запад, слегка забирая к северу. Называлась она Ярилиной Дорогой и почиталась священной, заповедной землей. Не то что пахать – праздно ходить по ней и то разумелось тяжким грехом. Ступить на теплую землицу Ярилиной Дороги позволялось лишь приносящим жертву да ведущим кого-то на суд.

Само капище представляло из себя частокол резных идолов, за которыми возвышался остроконечный колпак крыши на двенадцати столбах. Верх был увенчан изображением солнечного лика, а под крышей зияло черное жерло выложенного замшелым камнем глубокого колодца, ведущего напрямик в преисподнюю. Над колодцем был изноровлен ³⁰

³⁰ Изноровить (берендейск.) – хитро изладить

двуручный ворот; покачивалась на цепях тяжелая позеленевшая от старости бадья, куда грузили принесенные в жертву резные куколки-берендейки, а то и преступников, чьи злодеяния требовали столь ужасной казни.

Высокий рябой волхв (тот самый, что утром приходил в слободку), сурово сдвинув брови, вышел навстречу. Увидев связанного, вперился в него таким жутким взглядом, что слободской люд мгновенно притих. Показалось, что и рассказывать ни о чем не надо: на то он и кудесник, чтобы знать обо всем заранее.

– В чем его вина? – спросил тем не менее волхв, по-прежнему испепеляюще глядя на пьянчужку.

Храбры беспомощно оглянулись. Сабельками-то они орудовать могли славно, а вот языками... В чем вина... Легко сказать, в чем вина!.. Ну ладно бы там еще теленка увел или в чужую клеть залез... А то ведь такое вымолвил, что и повторить страшно...

– Солнышко наше хаял, златоподобное! – пришел на выручку из толпы бойкий Шумок.

При этих словах кудесника аж переплюснуло, как с похмелья. Собрал рот в жемок и грянул железной подковкой посоха о вымощенную камнем землю. Из-за сложенных высокой поленницей берендеек вышли и приблизились двое таких же, как он, волхвов – все в оберегах, только что без посохов.

– Солнышко хаял?.. – медленно выговаривая слова, пере-

спросил кудесник, и все невольню поежились. – Стало быть, солнышку и ответишь... В бадью его!

Охнули бабы, толпа попятилась. Всего ждали, но только не этого. Да ведь не убивал же никого, не поджигал!.. Молвил по пьяной лавочке охальное словцо – и на тебе: живого человека – да в преисподнюю!..

Мрачные жилистые волхвы подступили к связанному и, подхватив под папоротки ³¹, повлекли к дыре. Тот даже и не отбивался, тоже, видать, как громом пораженный. Кинув осужденного в бадью, взялись за рукояти ворота и вынули железный клин. С ужасающим скрипом широкая низкая кадка пошла на цепях вниз, во мрак. Мелькнуло в последний раз лицо пьянчужки, искаженное диковатой восторженной улыбкой. Не иначе, умом напоследок повихнулся от ужаса... Да оно, наверное, и к лучшему.

Заголосила баба, за ней – другая. Скрипел ворот, колебались туго натянутые цепи. Потом из бездны донесся глухой стук – должно быть, бадья достигла дна преисподней.

Тут снова грянул о камень посох, и плач – будто сабелькой отмахнуло. Волхв, вскинув обе руки, повернулся к закатному солнышку и запел – трудно, простуженно:

Свет и сила

Бог Ярило.

Красное Солнце наше!

³¹ Под папоротки (берендейск.) – под силки, под пазушки

Нет тебя в мире краше.

Берендеи с трудом разомкнули рты и, тоже поворачаясь в сторону Теплынь-озера, повторили хвалебную песнь. Потом снова устали на волхва.

– А вы, – в остолбенелой тишине проговорил тот, – вольно или невольно причастные, тоже должны очиститься. Тот, кто слышал противные слова, принесет в жертву лишнюю берендейку. Тот же, кто слышал и сам потом произнес (хотя бы и шепотом) принесет две.

* * *

В слободку возвращались, когда солнышко почти уже коснулось самого что ни на есть небостыка. Или горизонта ³², как его называют греки... Надо же было придумать такое дурацкое слово! Ну «гори» еще понятно, а вот «зонт» что такое?..

– Берендей, а, берендей!..

Кудыка обернулся на голос. Меж двух заснеженных развалин мертвого города избоченилась молоденькая чумазая погорелица в каких-то косматых лохмотьях вместо шубейки. Впрочем беженцы из Черной Сумеречи, кого ни возьми, все ходили чумазые. Оно и понятно: дров нету, снегом умыться – зябко, а грязь ведь тоже от стужи хоть немного, да

³² Горизонт (греч.) – небостык, кругозор, дословно – ограничивающий

спасает.

– Чего тебе?

– Расскажи, что с ним сделали-то!..

– Что-что, – недовольно сказал Кудыка. – В жертву принесли, вот что! Бросили в бадью – и к навьим душам, в преисподнюю.

Повернулся и двинулся дальше. Не то чтобы он презирал или там боялся погорельцев, как многие в слободе, – просто солнышко вот-вот должно было погрузиться в Теплынь-озеро, а добираться до дому в темноте не хотелось.

– Берендей, а, берендей!..

– Ну, чего?..

– А я ведь про него кое-что знаю.

– Про кого?

– Ну, про этого... которого в жертву...

– Да ну? – Кудыка подступил поближе. – Расскажи!..

Чумазая погорелица засмеялась, дразня белыми зубами. Вроде даже и не баба. Девка еще...

– А замуж возьмешь?

– Да иди ты к ляду! – обиделся дроворез.

– Ну тогда идольца резного подари.

Кудыка тут же отшагнул назад.

– Ишь ты! Идольца ей... А вот не дам я тебе идольца! Вы их, говорят, в кострах жжете...

– Тогда не расскажу!

Кудыка покряхтел, раздираемый надвое любопытством и

боязнь. С одной стороны, он готов был понять погорельцев: землянки – ветхие, топить нечем, тут, пожалуй, все, что хочешь, в костерок подкинешь... Но ведь не берендейку же! Во-первых, грех, а во-вторых, ты ее резал, старался – и на тебе! В огонь!..

– Поклянись, что не сожжешь!

– Отоймись рука и нога, коли сожгу! До завтра дотерплю, а там пойду в слободку – на хворост выменяю!..

Кудыка поколебался еще немного – и полез за пазуху.

– Ну? – сказал он, отдав берендейку.

Погорелица ухватила древореза за рукав и, подавшись губами к уху, зашептала жарко:

– Его один уж раз туда бросали...

– Кого? – Кудыка ошалело отстранился.

– Да этого... О ком говорю... Только в другом капище, у сволочан... Он там, сказывают, большого идола у волхвов на дрова скрал... Не то Перуна³³, не то Велеса³⁴... Ну, поймали, кинули в бадью да и вниз... Как сейчас...

Кудыку прошиб озноб.

– А вдруг это не он был?

– Он-он! Я его хорошо запомнила... Да и как не запомнишь – такая страсть!..

– Да ты погоди, погоди... – забормотал Кудыка, отдирая

³³ Перун (берендейск.) – бог грома и молнии, с виду – плечистый головач, брада золотая, в правой руке – лук, в левой – колчан

³⁴ Велес (берендейск.) – скотий бог

грязные пальцы от рукава шубейки. – А как же он из-под земли-то потом выбрался?

– Ну вот выбрался, значит... Ей-ей, не вру... А только зря ты, берендей, в жены меня брать не хочешь... Возьми, а?..

Еле отвязавшись от назойливой погорелицы, Кудыка заторопился в слободку. Был он сильно раздосадован и бранил себя на все корки. Который уже раз подводило Кудыку его неистребимое любопытство. Взял вот и отдал берендейку неизвестно за что. Ишь! В жены ее возьми, чумазую!.. Верно говорят, бабий ум – что коромысло: и косо, и криво, и на два конца... Надо же что придумала: из преисподней вылез! Хотя курносый храбр Нахалко тоже вон в кружале говорил, что вылезают... черные, с кочергами...

Пали быстрые сумерки. Уже подходя к дому, Кудыка заподозрил еще кое-что неладное и снова полез за пазуху. Так и есть! Второго идольца тоже как не бывало. Ну, погорелица!.. Одну, значит, берендейку выпросила, другую – стащила... Плюнул, Кудыка, выругался. Правильно им сегодня землянки разорили, забродыгам!..

* * *

Старый дед Пихто Твердятич не спал, ждал возвращения внука. Выслушав рассказ Кудыки, сказал: «Вона как...» – и угрюмо задумался.

– Дед, – затосковав, позвал Кудыка. – А вот, скажем, по-

мер берендей... Покинул Явь, стало быть... Чистые души идут в Правь, к солнышку. Нечистые – в Навь, под землю... Это я понимаю. А вот те, кого волхвы заживо в бадейке в дыру эту опускают... С ними как?

– Да так же... – недовольно отвечал ему дед. – Пока дна достигнет, со страху помрет...

Кудыка вспомнил глухой негромкий удар, пришедший из черной глубины колодца, и содрогнулся.

– А потом куда?

– Как «куда»?.. – Дед заморгал. – Так в преисподней и остаются. Куда ж еще?..

Кудыка аж скривился, представив.

– И что они там?

– Что-что!.. – сварливо отозвался дед. – Мы туда берендейки опускаем... А они их, значит, солнышку относят, трудятся...

– Так они же нечистые! Души-то!..

– Ну, ясное дело, нечистые, – сердито сказал дед. – Будут тебе чистые души такую тяжесть таскать!..

Ужинали молча. Поднявшись к себе в горенку, Кудыка долго маялся, топтал тропу из угла в угол и все поглядывал на дубовый винтовой жом. Наконец не выдержал, соблазнился. Вынул собранный снарядец, намотал ремень на валик до отказа и, установив позвонок, пустил колебало. «Трык-трык... – закрипело и застучало в горнице. – Трык-трык...» Может, оно и грех, а все веселее...

Во сне виделось Кудыке черное жерло колодца и пьянчужка, с шальной улыбкой влекущий куда-то преогромную охапку резных берендеек. «Ты того... поосторожнее... – забеспокоился во сне Кудыка. – Резьбу спортишь... Солнышку, чай, несешь!..» «Катали мы ваше солнце!» – с безобразной ухмылкой ответил ему пьянчужка и ссыпал дробно загрохотавшую охапку на каменный замшелый пол преисподней. Откуда-то взялась чумазая белозубая погорелица тоже с идольцами (один – выпрошенный, другой – украденный), и стали эти двое охально и бесстыдно разводить костер из берендеек. Тут из стены вышел рябой волхв, сдвинул брови, грянул посохом, искры из камня выбил. «Видел? – спросил он Кудыку, грозно кивнув на пьянчужку с погорелицей. – Стало быть, тоже грешен. А ну жертвуй еще одну берендейку!..»

Сильно озадаченный сновидением, Кудыка проснулся и обнаружил, что слюда в косящатом оконце давно уже тлеет розовым. Уставился на исправно поскрипывающий снарядец. Ремень размотался едва наполовину. По всему выходило, что эта ночь была, по меньшей мере, вдвое короче обычной и втрое короче предыдущей. Вот и горница еще не выстыла, как следует... Придерживая у горла зипун, Кудыка вылетел в верхние сени, приотворил махонькую ставенку сквозного, не забранного слюдой оконца. Щеки и лоб ошпарило морозом. Над синеватой зубчаткой далеких Кудыкиных гор в розовой дымке возносилось в небо светлое и тресветлое наше солнышко. Несколько мгновений древорез вглядывал-

ся напряженно, не проползет ли по алому лику темное пятно. Нет, не проползло... Сброшенный в преисподнюю пьянчужка оказался прав. Нечетное вставало солнышко. Счастливое...

* * *

Утречко, понятно, выдалось славное. Помолясь да позавтракав, Кудыка взялся за работу. Вырезал пяток берендеек, не больше, когда стукнуло кольцо на воротах и звонким лаем залились во дворе кобели. Пришел зажиточный сволочанин из заречного села Нижние Верхи, принес заказ – дюжину чурок. Обычно селяне к древорезам не обращались и обтяпывали идольцев сами. Работа, конечно, была грубая, одно слово, топорная, ну да сойдет для мужика. Не боярин, чай... А этот вот решил щегольнуть. На вопрос Кудыки, не проще ли самому топориком помахать, мужик ответил, что дал-де зарок пожертвовать десяток идольцев, причем настоящих, не самодельных... Не иначе, украл что-нибудь при ясном солнышке, а теперь вот задабривает... Цены он, во всяком случае, знал: пять берендеек – заказчику, шестую – древорезу, а щепу и стружки – пополам.

Чтобы не было сомнений, Кудыка провел его в повалушу³⁵, где хранились готовые идольцы. Селянин, с виду робкий,

³⁵ Повалуша (берендейск.) – холодная клеть

а на деле хитрющий мужичонка, ахал и хлопал себя по коленям, брал то одну берендейку, то другую, чуть на зуб не пробовал.

– Стружек-то, стружек, чай, от них... – бормотал он, заво-
роженно оглаживая глубокую красивую резьбу. – Всю зиму
одними стружками топить можно...

Кудыка лишь усмехнулся про себя. Хоть и почитала его
слобода чудаком, а древорез он был преискусный: добрых
полчурки иной раз в стружку улетало...

– И ведь каждую складочку надо было вывести!.. – вос-
хищенно причитал заказчик, покручивая головой. – Слышь,
берендей!.. – Он оглянулся и замер, приоткрыв рот, чем-то,
видать, осененный. – А ведь ежели вместо сотни махоньких
одну большую стяпать... Оно ведь и легче, и стружек поболо-
ле...

– Так когда-то и делали, – снисходительно объяснил Куды-
ка. – Особливо кто побогаче. Всяк хотел, чтобы его идол вы-
ше других торчал... Да волхвы, вишь, запретили. Лучше, го-
ворят, числом побольше, но чтобы каждая берендейка ровно
с локоток была. Так-то вот...

Мужичок скорчил недовольную рожу, пожевал бородой.

– Волхвы... – весь скривившись, выговорил он. – Ну, ясно,
волхвы... Верно говорят: сколько волхва ни корми...

Свершив рукобитие, расстались. В один захап перенеся
чурки в горницу, Кудыка полюбовался ими малость и, рас-
судив, что резать он их может и вечером, решил сходить на

торг. Денек тоже намечался славный, как и утречко.

Оделся, подпоясался, переметнул через плечо суму с десятком берендеек – и отправился. Скрипел снежок, дробилось в сугробах искорками счастливое нечетное солнышко. И берендеи попадались навстречу тоже все больше радостные, приветливые.

Над рыночной площадью стоял веселый гомон, прорезаемый лихими криками торгующих:

– Эх, с коричкой, с гвоздичкой, с лимонной корочкой ³⁶, наливаем, что ли?..

– Ешь, дружки, набивай брюшки по самые ушки, будто камушки!..

– Чудеса, а не колеса, сами катятся – только повези!..

– С пылу! С жару! Кипят, шипят, чуть не говорят!.. Подойди!..

Торговля шла бойко. Слышался повсюду дробный сухой стук высыпаемых и пересчитываемых берендеек. По мере того как переметные сумы слобожан освобождались от резных идольцев и наполнялись покупками, вес их заметно уменьшался. Тут и там вспыхивали жаркие споры относительно достоинства вручаемой берендейки. Понятно, что идольцы, резанные Плоскыней или, скажем, тем же Кудыкой ценились не в пример выше, нежели работа ленивого красавца Докуки, не говоря уже о самодельных топорных изделиях сволочан. Греков, случайно попавших на слободской ры-

³⁶ Коричка, гвоздичка, лимонная корочка (иноземн.) – заморские пряности

нок, это каждый раз сильно забавляло. У них-то у самих – что ясная денежка, что тусклая – все едино, лишь бы вес и резьба сходны были. Чудной они все-таки народ. Дед говорит: живут во тьме, за Теплынь-озером... а с чего же это они смуглые такие?..

Однако, на рынок Кудыка заглянул не столько поторговать, сколько потолковать. Да и не он один.

– В бадью болезного... – рассказывали взахлеб неподалеку, – и туды... в навьи души...

– Из-за него, стало быть, солнышко-то и гневалось... А ну как не уличили бы вовремя? Это ж страсть подумать... Совсем бы не взошло!..

– Да запросто!..

И всюду, куда ни плюнь, сияло ликующее мурло верткого Шумка.

– А? Что я вам говорил? – перекрывал рыночную разноголосицу его пронзительный, не к месту взрывающий голос. – Правда-то она рожном торчит!.. Принесли жертву – вот и солнышко смиловалось! А то придумали – чурками резными откупаться! Сегодня ты за «деревянные» народ вином поишь, а завтра их волхвам понесешь? Хороша жертва!..

Речи его, как всегда, звучали оскорбительно, но слободской люд был нынче благодушен и глядел на смутьяна с улыбкой: дескать, пусть себе... Гуляй, паучок, пока ножки не ощипали...

А солнышко-то – пригревало. Под ногами уж не слышно

было привычного железного хруста, снежок шептал, чуть не всхлипывал. Того и гляди, оплавятся и потекут сугробы... Да, припоздала в этом году весна, припоздала...

– Посторонись!.. – раздалось вдруг негромко и повелительно.

Клином разрезая рыночную толпу, к мучному ряду приближались хмурые храбры из княжьей дружины. Сияли еловцы ³⁷ шеломов, тяжело шуршали кольчуги, позвякивали кольца байдан ³⁸. Впереди шел бирюч ³⁹ с шестом. Добравшись до середины площади, снял шапку, вздел на шест и задробил частоговоркой указ. Не иначе, уши отморозить боялся.

– Слушайте-послушайте, государевы люди, слободские берендеи! Ведомо стало, что гневается на нас светлое и тресветлое солнышко... – Рынок притих. Бирюч передохнул, будто перед прыжком в прорубь, и продолжил с отчаяньем: – Вопросив волхвов и подумав с боярами, велит вам государь отныне берендейки жертвенные приносить полновесные, резанные не глубже, чем на ноготь!

Торопливо уронил шапку с шеста, поймал на лету, нахлобучил двумя руками, и тут толпа страшно вздохнула. Так и замер бирюч, взявшись за меховую выпушку, достигнутый мощным этим вздохом. Храбры сомкнулись кольцом, рыла

³⁷ Еловец (берендейск.) – навершие шелома

³⁸ Байдана (берендейск.) – кольчуга из крупных колец

³⁹ Бирюч (берендейск.) – глашатай

сразу одеревенели – прямо хоть размечай да режь.

Люд зарычал утробно, нашатнулся со всех сторон, шаркнули, вылетая из ножен, светлые сабельки. Однако законолюбивость берендеев вошла в поговорку издавна. Одно дело промеж собой учинить кулачные, а то и дрекольные бои – это у нас запросто. Но поднять руку (и то, что она сгоряча ухватит) на княжью дружину?.. Да еще и на бирюча с царским указом?.. Нет, не поднялась рука. Разжалась. Вот крик – да. Крик поднялся.

– Что ты там блекочешь, страдник? Не мог царь-батюшка такое указать!..

– Да пьяный он, берендеи! Вы на него только гляньте!.. Морда – клюковка, глазки – луковки!..

– Грамоту, грамоту кажи! Что ты тут языком плещешь!.. Языками вон и мы городьбу городить умеем!..

– Да есть грамота, есть! – надрывался вконец испуганный бирюч. – Тут, за пазухой!.. Зябко доставать было!..

Скинул рукавицы, полез за грамотой. Берендеи вырвали у него из рук пергаменту с царской печатью, прочли по складам. Все совпало – слово в слово. Еще один вздох прокатился по рынку.

Как дождевой пузырь, вскочил над толпою Шумок.

– Обморочили волхвы царя-батюшку! – Рванув, распахнул на груди полушубок. – Дождемся ужо! Погодите! Всех нас в бадье опустят на самое донышко!..

– Обморочили!.. Обморочили!.. – подхватили истошные

голоса.

– Бей волхвов! – взвыл Шумок, но был сдернут с бочки – или на чем он там стоял?..

– К боярину!.. К боярину!.. – послышались крики.

– Да что к боярину?.. Чем боярин-то пособит?.. Самому князю в ножки пасть! Один у нас теперь заступник, одна надежа!..

Толпу разболтало, что озеро в непогоду. Никак не могли решиться, в какую сторону двинуть всей громадой: волхвов ли идти бить или же князю жаловаться... Воспользовавшись общим замешательством, бирюч и храбры начали помаленьку выбираться из толчеи, когда раздался вдруг со стороны слободки конский топот и, заметав обочины снежной ископытью, на рыночную площадь ворвались четверо верховых. Ахнул люд, кинулся навстречу, ибо первым на низкорослой большеголовой лошадке ехал сам князь. Надежа и заступник.

Осанист и грозен сидел в высоком седле теплынский князь Столпосвят. Ликом смугл, бородою серебряно-черен, брови – что два бурелома. И голос – низкий, рокочущий. Со всем бы страшен был князюшка, кабы не мудрая пристальность в воловых глазах да не задушевность гулкой неторопкой речи.

– Теплынцы!.. – воззвал он звучно, потом замолчал и надолго опустил голову, погружившись в скорбное раздумье. По толпе пробежал изумленный шепоток. Слободской люд

привык называть себя берендеями и к слову «тепльницы» прибегал лишь затем, чтобы подчеркнуть свое превосходство над сволочанами. Немедля обозначилось в разных концах рыночной площади некое суетливое, но вполне осмысленное движение. Сволочане посмекалистей, услышав первое произнесенное князем слово, принялись торопливо завязывать мешки с явным намерением поскорее дать тягу. А вовсе смекалистые даже и завязывать не стали: царап шапку – да бегом с площади.

Князюшка тем временем вскинул дремучую бровь и обвел подданных проникновенным взором. Потом заговорил снова.

– Знаю... – истово молвил он и впечатал растопыренную пальчатую рукавицу в расшитую тесьмой грудь. – Знаю о вашей беде и печалюсь вместе с вами...

Люд затаил дыхание – ждали, что скажет дальше.

– Волхвов вините?.. Да только не в одних волхвах суть... То не волхвы – то брат мой единоутробный, сволочанский князь Всеволок воду мутит... И лжет, и ползет, и бесится! Завидно, вишь, ему стало, на житье ваше привольное глядячи, вот и подбил царя-батюшку указ написать...

С голодным рыком тепльницы завертели головами, высматривая сволочан, но те уже все исчезли. Даже самые непонятливые.

– Князюшка!.. Заборонушка ты наша!.. – Те, что поближе, рванулись пасть в копыта спокойной низкорослой лошадке. –

Не погуби!.. Замолви словечко!..

Князь поднял руку, и вопли стихли.

– Замолвлю... Замолвлю, теплыньцы!.. Может, и смилуется царь-батюшка... А не смилуется... Ну что ж... – Тут Столпосвят выпрямился, запрокинул окладистую с проседью бороду. – Тогда суди нас ясно солнышко!..

Глава 4.

Беда беду кличет

Из умственной толчеи выглянула вдруг горестная поговорка, сложившаяся, должно быть, сама собой:

«Вот тебе, бабушка, и нечетный день!..»

Какая бабушка?.. При чем тут бабушка?.. Скорее уж дедушка, поскольку поговорка явно предназначалась для старого Пихто Твердятича, огорошить которого Кудыка соби-рался прямо с порога.

Да, дожили... Повилась-повилась стружечка – и кончи-лась. Что ж теперь будет-то? Ежели князь Столпосвят не сумеет уворковать царя-батюшку – это ложись всей слободкой да помирай!.. Ну, положим, лоботесам разным вроде Шумка с Докукой даже и указ не во вред – наобляп режут, чуть лучше сволочан. А вот подлинным-то искусникам как теперь жить? Ни тебе тепла в доме, ни привычной сытости...»

В мысленном затмении брел Кудыка слободкой, плелся – лишь бы нога ногу миновала. Не радовали его теперь ни искорки в сугробах, ни мягкий шепот снега под ногами. Переплевах в пяти от родной подворотни, обозначилось вдруг перед смутным Кудыкиным взором ярко-малиновое пятно. Очнулся – как из яичка вылупился.

Напротив ворот переминался гнедоподвласый ⁴⁰ конек, впряженный в щегольские варяжские санки, с которых навстречу Кудыке лениво поднялся тугомордый отрок в шубейке, крытой малиновым сукном. Человечек – весь с надолбу, посмотришь – страх берет. Левое ухо, выставленное напоказ из-под шапки, пронято дутой золотой серьгой, и такого же золота цепь болтается на шее.

По спине Кудыки прошел озноб, все позвоночки пересчитал. От Кощея пришли, не иначе...

– Ну ты что ж, Кудыка? – не поздоровавшись, гнусаво запел незнакомец, разводя болтающиеся чуть ли не до колен рукава. – Мы тебя бережем, хоромы вон ни разу не горели, а ты... Умаялся, чай, на нас сидя?

– Так я ж за оберег заплатил... – предчувствуя новую беду, выпершил Кудыка.

– Ась?.. – То ли недослышав, то ли не поверив, тугомордый подался к древорезу украшенным серьгой ухом. – Заплатил?..

– Сколько мог! – истово подтвердил тот, выголив на детину круглые честные глаза. – Человек я маленький, шкурка у меня тоненькая...

Детина сначала онемел, потом вскинул руки и отряс рукава до локтей. Показались растопыренные пальцы, униженные лалами, яхонтами и сердоликами, причем все перстни, по обычаю берегинь, были повернуты камнями внутрь.

⁴⁰ Гнедоподвласый (берендейск.) – гнедой с подпалинами

– Шкурка? – зловеще переспросил рослый берегиня. – Да твоей шкуркой терема крыть – не протекут! Убогим представляешься? Заказов, плачешься, нет? А у самого в повалуше берендеек до потолка!.. – Внезапно замолчал, полюбовался перстнями и, повеселев, уронил рукава.

Охнул Кудыка, вспомнил утрешнего мужичка сволочанина – и такое сердце взяло, что сам бы себе язык перекусил.

– И сколько теперь? – спросил он в тоске.

– Сколько?.. – Берегиня прищурился. – Облупить бы тебя до мосольчиков, чтобы впредь не врал, да уж ладно, прощаем... Бери большой оберег...

– А малый куда? – пискнул Кудыка.

Берегиня разинул мохнатую пасть и сказал, куда. Древорез вздохнул, понурился, и пошли они вдвоем в повалушу.

– Ну вот... – удовлетворенно прогнусил детина, когда поленица резных куколок слегка приуменьшилась, а в руках Кудыки оказался грубо вытесанный оберег, тоже именуемый берегиней. – Приколачивай на крышу взамен малого и живи себе... Если кто обидит – дай только знать...

Древорез уныло посмотрел в удаляющуюся малиновую спину. Детину аж пошатывало от тяжести мешка. «Дай знать...» А ежели вот царь обидел, стружку снимать не дает?.. Ох, обнаглели берегини – похлеще леших... И попробуй не заплати! Брусило вон о прошлом годе послал их к ляду, так вскорости и дом сторел у Брусилы... Наверняка сами берегини и подождгли, с них станется...

Деда он огорошил, как и собирался, прямо с порога. Оторопело выслушав внука, старый Пихто Твердятич молча сгреб бороденку в кулак и замер в трудном раздумье.

– Против гнева властей, – испроговорил он наконец, строго пуча глаза, – первое дело – тирлич⁴¹ да жабья костка...

– Да? – рыдающе вскричал Кудыка. – Это что ж, повешу я их себе на шею – и царь мне одному послабление даст?

Дед несколько смешался, однако приличной годам степенности не утратил.

– Н-ну... Одному-то, понятно, не даст... Значит, всей слободкой надо в мешочки зашить и на шеи повесить...

– Откуда ж мы тебе столько жаб возьмем? В конце-то зимы!..

Дед крикнул. Да, действительно... Сшибши руки у груди, Кудыка цепенел перед ним в отчаянии наподобие резного идола.

– Да и тирлич – травка редкая... – раздумчиво молвил дед, пожевав губами. – Одним волхвам в руки дается на Ярилиной Дороге... Так-то вот, внуче!.. Ни солнышку всех не угреть, ни царю на всех не угодить... Вытерпеть надобно... Покорись беде – и беда тебе покорится...

⁴¹ Тирлич (берендейск.) – трава бешенка

– Да ты что говоришь-то? – вскинулся Кудыка. – Куда уж дальше-то терпеть? И так вон уже хлеб до самых рук доедаем!

– Мы люди подначальны, у нас бороды мочальны... – со вздохом ответил ему поговоркой старый Пихто Твердятич, и поскреб бороденку, действительно, слегка напоминавшую старое мочало.

– Кому подначальны? – запальчиво спросил Кудыка. – Всеволок нам кто? Начальство, что ли? Владеет сволочанами своими – вот пусть и владеет! Так им и надо, сволочанам... А над нами, окромя Столпосвята, власти нет!..

– Дурак ты, Кудыка, – жалостливо глядя на внука, сказал Пихто Твердятич. – Как сам того не смыслишь? Указ-то, чай, не Всеволок писал... Да ежели царь захочет, он и князя нашего узлом свяжет да в клубок смотает...

– Дед!.. – Вне себя Кудыка подскочил к столу, грянул, не пожалев кулака, в дубовую доску. – Ты мне скажи еще раз такое про князюшку!.. Клубком смотает... Как бы самого Всеволока клубком не смотали!.. Царь... Да что он знает, царь твой? У него вон ограда выше терема...

– Ты постучи, постучи еще на деда! – осерчал тот. – Что ощерился? Аль железо увидал?.. Молод щериться-то – на зубах вон еще волоса не выросли... Не Всеволок страшен, внуке, смута страшна! Знаешь, как оно бывает? Пастухи за чубы, а волки за овец...

Подобно большинству берендеев Кудыка был человек

смирный. Однако, услышав про волков и овец, мигом вспомнил он тугомордого берегиню, и такая накатила злость, что усидеть дома было просто невозможно. Ухнул, крутнулся чертом, потом ухватил кол и кинулся бегом на улицу. Кудыка еще не решил толком, кого он будет бить, и поэтому, оказавшись за калиткой, несколько растерялся. До капища было далеко, до погорельцев – тоже...

И тут на беду, свою и Кудыкину, в конце улочки показался обоз с золой. Сволочане, возвращавшиеся с Теплынь-озера, очевидно не знали еще ни о царском указе, ни о том, что случилось на рынке. Иначе бы они просто обошли слободку стороной.

Тощие головастые лошаденки уныло тащили сани, представлявшие из себя короба, поставленные на полозья.

– Бей сволочан! – радостно взвыл Кудыка и, раскручивая кол над головою, ринулся им навстречу.

Возчики удивились, заморгали, однако быстро опомнились и встретили нечаянного супротивника в кнуты. Как водится, с обозами к Теплынь-озеру сволочане отряжали самых нестоящих мужиков: пьяниц, озорников, лентяев... Поэтому драчуны они все были отменные. Кудыку сноровисто перетемяшили сзади чем-то тяжелым и уложили на снег. Белый свет из очей выкатился.

Однако уже в следующий миг, соблазненный Кудыкиным воплем, хлынул с колами из калиток и подворотен уличский люд. И пошла стряпня, рукава стряхня...

Крепко всыпали сволочанам. Взяли больных в сусалы да под микитки, отмочалили им бока, перемножили скулы, положили всех лоском, угостили приворотным зельем – чем ворота запирают. Санки поизломали, золу развеяли... Словом, так отвели душеньку, что и беда – не беда.

Лишенный сознания Кудыка ничего этого, понятно, не видел. Очнулся он к вечеру у себя в горнице под сердитую воркотню старого Пихто Твердытича. Голова трещала, как с похмелья, – аж зубы чуть не выскакивали. Не иначе, оглоблей огрели...

– Ча-сов-щик!.. – бранился дед, отпаивая внука каким-то взваром. – Ужо постой, помылят тебя завтра на сухую руку... Часы изладил, двороврод!.. Покажут тебе часы!..

Кудыка приподнялся на лавке, взглянул. Резного снарядца на столе как не бывало. Нигде ничего не постукивало, не поскрипывало.

– Дед, а где?..

– Где-где! – сердито отозвался тот. – Храбры забрали... Заносят тебя в горницу, а посередь стола погань эта стоит и колебалом мотает... Боярину, надо думать, понесли, а может, и прямиком волхвам...

Кудыка слабо застонал и уронил голову – как раз на желвак.

А утром нагрянули от боярина. Хитрый Кудыка хотел было представиться расслабленным, сославшись на вчерашний удар по затылку, но храбры, потолковав промеж собой вполголоса, решили, что первое средство от головы – это ободрать хворому задницу плетью. Мигом всю боль оттянет... Кудыка ужаснулся и выздоровел.

Улочка лежала горбатая, иссиня-черная от рассыпанной золы, а полозья, оглобли, короба и прочие части разломанных саней, мнится, ушли дымом из труб к ясным звездочкам еще ночью.

Охая и прихрамывая, брел Кудыка, ведомый храбрами через всю слободку – к Мизгирь-озеру, где стоял на крутом взгорке боярский терем. Прошлый год ладили они с Плоскыней в том тереме вислое крыльцо о двух столпах... Над самым что ни на есть над озером.

Озеро это располагалось на месте слияния порожистой Сволочи и теплой Вытеклы, почему замерзало зимой лишь наполовину. А изливалась из него одна лишь судоходная речка Варяжка, промывшая путь в немцы ⁴² сквозь вечные снега Серой Сумеречи. По преданию когда-то давным-давно утопился в том озере от горя купец Мизгирь. Выбрали всей

⁴² Немец (берендейск.) – немой, то бишь всякий выходец из варяг, не понимающий берендейского наречия. К грекам это продрознице не относится

громადой в жертву невесту Мизгирия – и не вынес купец, ки-
нулся с утеса... С тех пор и называется – Мизгирь-озеро.

Прослышав, что княжий боярин Блуд Чадович решил по-
ставить на том печально славном взгорке свой высокий те-
рем, одни предрекали боярину всяческие беды и напасти
(место, мол, недоброе), другие же, напротив, одобряли вы-
бор. Дескать, Мизгирь сам себя в жертву солнышку принес –
стало быть, лучше места для хором и сыскать нельзя... Пер-
вые оказались правее: напасти ждать не заставили. Сначала
шишимора в тереме завелась, потом племянница боярская
Шалава Непутятична вконец от рук отбилась... Вообще-то,
конечно, звали племянницу несколько иначе, но народ ведь
у нас известно какой: прилепит имечко – с песком потом не
отдерешь.

В зимнем охабне ⁴³ травяного цвета стоял боярин посе-
реди двора, рядом с полуразобранной маковкой, что гряну-
лась оземь с терема во время недавнего трясения земли, и
грозно смотрел на приведенного пред ясны очи Кудыку. Во-
рот – козырем, шапка горлатная надвинута на самые бровуш-
ки.

– Что, лоботес? – зловеще спросил боярин. – Родимец тя
расколи! Сперва шишимору мне подсадил, а теперь и вовсе
в разбой ударился?..

– Батюшка, не погуби! – Древорез пал на колени, сунулся

⁴³ Охабень (берендейск.) – верхняя долгая одежда с прорехами под рукавами и
с четверугольным откидным воротом, кобеняком

рылом в левый сапог. – По недомыслию! По скудоумию часы изладил!..

– Ненароком в лес пошел, невзначай топориче вырубил?.. – Блуд Чадович усмехнулся было и тут же вновь посу- ровел. – Ты мне тут про часы не толкуй! До часов твоих мне дела нет, с часами с твоими пусть вон волхвы разбираются... Ты лучше скажи, головогрыз, как тебя угораздило обоз разбить!

– Так ить... – растерялся Кудыка, – сволочане же... Князь-то наш Столпосвят на рынке давеча... Все, говорит, беды от них...

– Ты на князюшку-то нашего не кивай! – загремел боярин. – Голова твоя не с того конца затесанная! Вот разбил ты обоз, а о том подумал ли, что с него в теплынскую казну пошлина причиталась? По берендейке с оглобли! Шутка?.. На ком теперь недоимку править? А?

Кудыка уже догадался с тоской, на ком будет выправлена недоимка, но смолчал. Лучше бы уж кнутом ободрали – встряхнулся да пошел, а вот ежели двор разорят – не скоро подымешься...

Однако грозные слова, ожидаемые Кудыкой, так и не сорвались с боярских румяных уст. Обернулся Блуд Чадович и нахмурился озадаченно. Со стороны высокого резного крыльца, брэнча байданой, бежал к ним со всех ног курносый храбр Нахалко. Кинув боярину поясной поклон, подался к милостиво склоненному уху и торопливо зашептал. Глаза

у самого – так и высказывали.

– Шорох, говоришь? – тихо, но внятно переспросил боярин и прищурился недобро. – А ну-ка вы все! За мной, в терем!..

Выпростал руки из прорезей охабня и решительно зашагал к высокому крыльцу. Травяного цвета рукава болтались за широкой спиной. Храбры и холопья, случившиеся во дворе, побросали дела и поспешили следом.

Кудыка, привскочив с колен, моргал и ошалело крутил головой. Ему-то – идти али нет? Сказано было: «Вы все...» Ну, все – так все! Древорез отряхнул мокрые коленки и припустился вдогонку.

Толпой человек в семь достигли они узорчато оперенной лесенки, ведущей из горницы на искусно измуравленный чердак, собственно, и называвшийся теремом. Наступив на первую доску, боярин обернулся, насупился и приложил перст к поджатым строго устам. Дальше пошел на загнутых носках, чтобы каблуком невзначай не скрипнуть. Затаив дыхание, все прочие последовали за ним.

Очувтившись перед узкой расписанной полевыми цветами дверью, боярин приложил к створке мясистое ухо. Прислушался и что-то, видать, услышал, ибо побагровел и с маху треснул в дверь кулаком.

– Отопри!..

За дверью приключилась короткая суматоха. Вроде замечались, что-то задевая, что-то опрокидывая...

– Отопри, чтоб тебя... повело да покоробило!..

Ойкнули тоненько, прильнули к двери с той стороны.

– Не обедать ли пора, дядюшка?.. – спросил в пробой дрожащий девичий голос.

– Отопри, дверь с косяками выну!..

Шаркнули, стукнули засовы – числом не менее трех. Шумно сопя, Блуд Чадович размахнул дверью, вошел. За ним – все прочие. Еле успев отскочить, большеглазая бледная Шалава Непутятична стояла, обмерев, в одной тоненькой рубашечке без пояса и в таких же тоненьких чулочках. Кожица – белая, нежная, чуть не прозрачная. Приглядишься – увидишь, как мозжечок из косточки в косточку переливается.

– Где? – страшно спросил боярин и рванул за кольцо крышку сундука. Полетели по светелке один за другим всякие летники и сарафаны.

– А вы что уставились? – обернувшись, прикрикнул боярин на слуг и храбров. – Под кроватью смотрите, под лавками!.. Не в окошко же он выпорхнул! Значит, должен быть!..

Кинулись – кто под лавку, кто под кровать, вмиг все перетряхнули. Нигде никого. Шалава Непутятична тем временем накинула на плечики выброшенную из сундука епанчу⁴⁴ и с любопытством принялась разглядывать каждого по очереди.

– Потерял что-нибудь, дядюшка? – сочувственно осведомилась она.

⁴⁴ Епанча (берендейск.) – широкий безрукавый плащ

Блуд Чадович взбычился, уставил на племянницу нали-тые кровью глаза, но, не выдержав невинного взгляда Шалавы Непутятичны, зарычал и отвернулся. Увидел заробевше-го Кудыку, рывкнул:

– А ты тут что стоишь, как надолба приворотная?.. Поди в окошко глянь!..

Древорез вжал голову в плечи и, трусцой подбежав к косяцатому оконцу, раскрыл забранные цветными стеклыш-ками створки. В светлицу вкатился клуб морозного воздуха, охнула легко одетая Шалава Непутятична. Кудыка выглянул. Красив был и ужасен вид из оконца боярского терема. Именно отсюда, вон с того выступа внизу, бросался когда-то в озе-ро молодой купец Мизгирь. Кудыка невольно забоялся и от-вел взгляд от ниспадающей к остекленелой воде крутизны.

Посмотрел вправо, влево – и дух перехватило. На резной уступчатой полке окна, комкая у груди верхнюю одежонку, стоял над бездной в одних портках синеглазый красавец До-кука. А полочка-то – шириной в ладошку...

Кудыка выдохнул, еще раз поглядел вниз и решительно прикрыл окно.

– Не-ет... – протянул он как можно более небрежно. – Ни-кого там нету...

– Как нету? – истошно закричала Шалава Непутятична и, оттолкнув древореза, кинулась, дура, к оконцу.

– Что ж, прямо на дворе сечь будут? – упавшим голосом спросил Кудыка.

– Озябнуть боишься? – ехидно осведомился старый седатый храбр, развивая длинный сыромятный кнут. Со свистом рассек накрест воздух и, кажется, остался доволен снастью.

– Ты солью-то его вымочил? – озабоченно спросил Блуд Чадович, угрюмо прислушиваясь к разноголосым взвизгам, доносящимся из терема. Там унимали Шалаву Непутятичну и, судя по звону затрещин и грохоту утвари, никак не могли унять.

– С вечера еще, батюшка, – бодро отвечал старый храбр. – Это уж как водится... Была бы спина, сыщется и вина.

Тут в тереме и вовсе заверещали в свин голос, и боярин беспокойно оглянулся.

– Никак до коромысла добралась?..

Храбры неловко шевельнулись, скрежетнув крупнокольчатый железом байдан. Нежная Шалава Непутятична, хотя и росла в тереме, ветром не обвеенная и дождичком не обмоченная, а коромыслом владела не хуже теплыньских баб. А уж как дрались коромыслами теплыньские бабы – страсть да и только! Бывало, что и конных с седла сшибали...

Продрогший до мослов синеглазый красавец Докука все никак не мог попасть красной скрюченной пятерней в рукав

полушубка.

– Зря одеваешься, – хмуро сказал ему Кудыка. – Все равно сейчас раздеваться придется...

Не отвечая, красавец вдел наконец руку и нагреб на себя полушубок. Из лохматой щели вздернутого ворота смотрел теперь на Кудыку синий вытарщенный от ужаса глаз.

– С-скажи ему: п... п-прости... б-батюшка...

– А сам-то что ж? – буркнул Кудыка.

– Г-губы смерзлись...

Шум в тереме приутих, и боярин вновь повернулся к дроворезам. С упреком взглянул Кудыка на счастливое нечетное солнышко, падающее в далекое Теплынь-озеро. Тресветлое уже остывало, наливалось нежно-алым, и взмолился Кудыка:

– Помилуй, добросиянное...

И ведь помиловало, вот что дивно-то! Курносый храбр Нахалко, с пониманием вздыхавший, глядячи на недавних сотрапезников, отвернулся высморкаться – да так и замер, уставясь поверх ограды. Со стороны ребристо замерзшей Сволочи приближался небольшой санный поезд. Внезапным дуновением донесло звонкие греческой выковки колокольцы.

– Никак князюшка?..

Забыв про Кудыку с Докукой, кинулись отворять главные ворота с башенками, и вскоре сильная караковая лошадка внесла на широкий боярский двор обитые кожей князьи санки. Утративший привычную неторопливость боярин

самолично отстегнул меховую полость. И вот, путаясь в просторной дорожной шубе, выбрался из саней теплынский князь Столпосвят, как всегда, скорбный какою-то высокой думой.

Постоял, склонив головушку, потом явил смуглый лик свой, обрамленный черно-серебряной бородою, и, вздернув дремучую бровь, пристально оглядел боярина и прочих, словно бы видя всех впервые. Узрел колоду, веревки, застывшего с кнутом в руке старого храбра, наконец Кудыку с Докукой и повернулся к боярину.

– За что драть мыслишь? – спросил раздумчиво.

Блуд Чадович крикнул, оглянулся на терем. Звона-грохота из хором больше не доносилось, лишь мерещились подчас тихие рыдания из светлицы.

– Да обоз, вишь, разбили с Теплынь-озера, – нехотя и соврал, и не соврал боярин. – Возчиков побили чуть не до смерти... Как теперь с них пошлину брать прикажешь?..

– Чуть... – повторил напевно князюшка и горестно покивал. – Худо... Худо, что чуть... До смерти надо было, а не чуть... – Выпрямился, полыхнул очами. – Теплынцы!.. – Зычный голос его возрос, отдался во всех уголках двора. – Был я сейчас у царя-батюшки... Плох, плох батюшка наш, совсем плох... Как понурая лошадка: куда за повод поведут, туда и идет... А только указ этот, теплынцы, он не писал!..

Все так и ахнули. Подались бородами к князюшке, выкачали зенки.

– Кто написал, спрашиваете? Отвечу... – Голос Столпосвята сошел на рокочущие низы и смолк. Двор – как вымер. Одни лошадки переминались да фыркали. Князь же, словно забыв о застывших в ожидании подданных, вновь погрузился в думу. Потом очнулся и выговорил брезгливо: – Брат мой Всеволок с боярами со своими – вот кто!

Будь вокруг больше народу, взревели бы, конечно, погромче, пояростней. И все равно лошадки шарахнулись.

– Это как же?..

– Помимо царя?..

– Да отродясь такого не бывало!..

Князь поднял руку, ожег гневным взором. Вновь замерло все во дворе.

– Так ведь царь-то... – молвил он со слезой. – Слепенький батюшка-то наш! Старенький... А Всеволок возьми да и подсунь ему грамоту на подпись!..

– Так ты бы объяснил ему, милостивец!.. – жалостно вскричал кто-то из храбров.

– Объяснял, теплынды, объяснял... Да только царь теперь – что дите малое. Ножками топчет, чуть не плачет... Сами, говорит, разбирайтесь со своим Всеволоком, коли братья... – Князь приостановился, потом возвысил голос: – Вооружаться пора, теплынды! Ведомо стало, что брат мой сволочан своих собирает, хочет по льду речку Сволочь перейти... А? Что, теплынды? Постоим за Вытеклу, за Теплынь-озеро, за князя со княгинею?..

Храбры уж и рты отворили, да клич поперек глотки стал. Жуть проняла: сто лет не воевали – и на тебе!.. Да и с кем воевать-то? Со своими?.. Что теплынец, что сволочанин – все берендей..

– Сомневаетесь? – грянул Столпоsvят, но опять же не грозно, а скорее понимающе. – Зря-а... Ох, зря, теплынды!.. Думаете, не проживем без сволочан? Еще как проживем!.. Хлебушка можно и у греков прикупить, а вот как они-то без берендеек наших резных взвоят! Без золы с Теплынь-озера!.. Отвернется от них ясно солнышко, как пить дать отвернется!.. Постоим, что ли?

– Постоим, княже! – отчаянно крикнул Докука. Уж больно не хотелось ему быть высеченным.

Пусть не в един голос, но клич подхватили.

– Вот... – прочувствованно молвил князь, неспешно подойдя к Докуке и возложив длань на непоротое плечо. – А ты говоришь, боярин, драть... Не драть таких надо, а в битву слать. За князя да за отечество...

Глава 5.

Битва на речке Сволочи

Ранним утречком нечетного дня известный своим стяжательством князь Всеволок пересек по мокрому льду порубежную речку Сволочь и опрометчиво влез со всею ратью в глубокий снежный уброд⁴⁵. Низкорослые лошади проваливались местами по брюхо, да и ратники тоже. Пригревало второй день – вот-вот заиграют овражки. Сзади по льду гуляла, морщась, перегоняемая ветром вода, а слева зеленела молодой травкой прямая широкая полоса чистой земли, рассекавшая снежную равнину и вонзавшаяся вдали в самый что ни на есть небостык. Ярилина Дорога.

С той ее стороны, то есть со стороны Мизгирь-озера и развалин мертвого города Сволочь-на-Сволочи, валила рать теплынского князя Столпосвята. В первых рядах ополчения шли угрюмые Кудыка с Докукой.

– Уж лучше бы выпороли тогда, – ворчал Кудыка, перекладывая на другое плечо тяжелое копье-рогатину. – Уго-раздило ж тебя наперед выскочить!.. При князе-то!.. Постой-постой!.. Вот и стой теперь!

– Сам-то больно хорош! – огрызнулся Докука. – Придумал, что сказать! «Никого там нету...» Как она еще в окошко не

⁴⁵ Уброд (берендейск.) – рыхлая снежная хлябь

сиганула!..

– А что мне было говорить-то? Что ты там в одних портках стоишь, зубами клацаешь?..

Но тут и у них под ногами разверзлись хляби, и теплынская рать подобно своим супостатам с бранью забарахталась в мокром снегу. Князь Столпосвят привстал на стременах и, оглядевшись тревожно, повернулся к старенькому воеводе Полкану, еще с молодых ногтей прозванному Удатым. То ли за удаль, то ли за что другое – теперь уж и не разберешь. Может, и не стоило ставить в челе войска столь дряхлого полководца, но берендеи и впрямь не воевали вот уже без малого сто лет, а Полкан – тот хотя бы что-то помнил...

– Не пора ли, воевода, на сухо выбираться?.. – И князь повел кольчужной рукавицей в сторону приветливо зеленющей Ярилиной Дороги.

Полкан по ветхости своей на стременах приподняться не смог. Вытянул жилистую шеенку и подслеповато прищурился, сильно обеспокоив этим обоих отроков, приставленных следить, чтобы старичок с седла ненароком не грянулся.

– Нельзя туда, княже, – испуганно прошамкал воевода. – Запретная земля, заповедная...

– Запретная, говоришь?.. – Князюшка усмехнулся, с лукавой удалью покосился из-под мохнатой брови. – А кто запрещал? Волхвы?.. Много они нам, мно-ого чего поназапрещали, волхвы-то... – Приосанился, оглядел рать и пророко-тал с мягкой укоризной в голосе: – Теплыням на теплын-

скую землю уж и ступить не велят... А что, дружинушка хоробая? Погуляем по травушке?

– Га-а!.. – нестройно, но одобрительно грянули в ответ храбры, уставшие уже месить мокрый снег.

И рать помаленьку-понемногу принялась выбиратья на твердую землю: сперва княжья дружина, а за нею уж и ополчение. Кое-кто, понятно, заробел, но на таких прикрикнули, высмеяли их, а кого и коленом подтолкнули.

К полудню, а может быть, и ранее, оба воинства выстроились в расстоянии переклика ⁴⁶ друг против друга, дважды перегородив червлеными щитами Ярилину Дорогу. Теплынецов было значительно больше, однако рать их на три четверти состояла из воинов вроде Кудыки с Докукой, тогда как князь сволочанский Всеволок вывел во чисто поле почти одних только храбров.

– Трудно будет, – бормотал озабоченно Кудыка, приглядываясь к супротивникам. – Ишь, в кольчугах все, в зеркалах ⁴⁷... И солнышко им в спину... Да и клич у них способнее...

– Это чем же? – не понял Докука.

– Ну, как... Мы-то будем кричать: «Теплынь! Теплынь!..» А они-то: «Сволочь! Сволочь!..» Конечно, так-то рубиться сподручнее...

Теплынский князь Столпосвят обзрел криво выстроенную рать и с досадой повернулся к Полкану.

⁴⁶ Переклик (берендейск.) – мера длины, примерно полторы сотни переплетов

⁴⁷ Зерцало (берендейск.) – доспех из выласканных до блеску пластин

– Что ж ты, воевода... – упрекнул вполголоса. – Попрямее их поставить не мог?..

– Ништо, княже, – беспечно отвечал ему выдавший виды Полкан. – Кривы дрова, да прямо горят!..

Светлое и тресветлое наше солнышко тем временем перевалило полдень, лишив сволочан, одного из преимуществ. По обычаю, прежде чем сойтись в сече, принялись задираТЬ друг друга, поддразнивать. Начал, понятно, Шумок.

– Лапотники!.. – надрывался он, сложив руки воронкой. – Полоротые!.. Печатки не было – непечатный пряник спекли!..

– Дровосеки!.. – обиженно летело в ответ. – Долбежники!.. Отъелись на нашем хлебушке?..

Распаяясь, подступали все ближе и ближе. Что ни слово – то зазубрина. Все старые обиды припомнили. Разгорелись ретивые сердца, силушка живчиком по жилочкам заходила. Прав был, прав старый воевода Полкан Удатый: строй их, не строй – все равно потом ряды смешают.

– А вот мы вас за ножку да об сошку!..

– Смотри, осунешься! Сами-то! Теленка с подковой съели!..

– А вы через забор козу калачом кормили – думали, девка!..

И наконец выехал из толпы сволочан, ища себе поединщика, приземистый плечистый богатырь Ахтак. Кто он был родом – не понять: не берендей, не варяг, не грек... Вышел,

сказывают, из Черной Сумеречи, хотя на беженца не походил нисколько. Беженцы, они, что ликом, что языком, те же берендеи, а этот еле по-нашенски лопотал. Да и рылом отличен: глазки – узенькие, косенькие, нос – пяткой. Однако вот пришелся ко двору. Оценил князь сволочанский Всеволок свирепость его и преданность – в дружину взял...

Притихли теплынды. Ахтак – он ведь такой. Сечет, и рубит, и в плен не емлет. Да еще и визжит вдобавок...

– Эй, Ахтак! – заорал бесстрашный Шумок. – Вытеклам шатал, рынкам гулял?..

Богатырь ощерил редкие желтоватые зубы и потряс копьем, высматривая юркнувшего в толпу обидчика.

– Анан сыгын!..⁴⁸ – проскрежетал он по-своему. Что это значит, никто не знал. Что-то, должно быть, обидное...

Теплынский князь Столпосвят грозно нахмурился, обернулся к поджавшимся храбрам, перебрал их задумчивым взором, и в этот миг переплевах в двух от задорно гарцующего Ахтака земля дрогнула и зашевелилась. Заржал с завизгом, вскинулся на дыбы чубарый конек, едва не сронив седока. На глазах у попятившихся ратей зеленый пригорок откинулся вдруг наподобие крышки колодца, явив дощатый поддон, и из черной сырой дыры полез на белый свет некто чумазый с большой кочергой в руке. Точь-в-точь как рассказывал в кружале курносый храбр Нахалко. Выходец из преисподней огляделся, болезненно щурясь, увидел Ахтака и ра-

⁴⁸ Анан сыгын! (басурманск.) –...!

зинул на него широкую, как у Шумка, пасть.

– Тудыть!.. растудыть!.. перетудыть!.. – грянуло над обмершими берендеями.

Затем подземный житель отвел ручищу и с маху метнул в богатыря кочергой. Железо звучно, тяжело легло поперек тугой кольчужной спины, и Ахтак, разом лишенный, видать, сознания, стал медленно заваливаться набок. Чубарый богатырский конь оскользнулся и прынул в галоп, унося продолжающего крениться всадника.

Вздых ужаса прокатился над Ярилиной Дорогой. Ножки у всех, ровно лучинки, хрустнули. Кабы не зубы – кажись, и душа бы вон...

И, роня щиты, теряя шелома, давя и топча упавших, побежала с криком сволочанская рать, побежала с криком и теплынская.

* * *

Утекли. Накивали, как говорится, пятками. Сослепу залетели в полные рыхлого, мокрого снега овраги, чуть не утопли... А может, кто и утоп – весна покажет... Когда же перевели дух, то обнаружили, что вокруг – развалины мертвого города и что от воинства теплынского осталось всего два ратника – Кудыка с Докукой. Куда делись прочие – неведомо.

Размели ладонями снежную хлябь с тесаного прямоугольного камня, сели, отдыхаясь.

– Да... – сипло признал наконец Докука, которого сейчас вряд ли бы кто осмелился назвать красавцем. – Уж лучше бы выпороли...

Кудыка – тот помалкивал, только встряхивал изредка головой. Должно быть, отгонял жуткое воспоминание о лезущем из черной дыры жителе преисподней.

– Слышь, Докука... – позвал он, собравшись с силами. – Чего расселся, говорю?.. Тут погорельцы ватагами бродят, а ты расселся...

– Никак живота не надышу... – пожаловался Докука.

Еще посидели. Надышав кое-как живот, Докука поднял со склона горсть бисерного подтаявшего снега, умылся, развел пальцами брови и вновь похорошел.

– Что ж теперь будет-то? – с тупым отчаянием спросил Кудыка. Капало с него, как с утопленника.

– Считай, пронесло грозу... – небрежно изронил красавец-древорез, выжимая шапку. – Был грех, да заспан...

– Да я не о порке! – сказал Кудыка с тоской. – И впрямь ведь из-под земли лезут... Неужто все, а? Неужто до самого до конца дожили?..

Докука надел шапку набекрень, огладил разрумившиеся щеки и потащил с плеча мокрый полушубок. Порки на боярском дворе ленивый красавец боялся куда больше, нежели конца света.

– Как все, так и мы, – довольно бодро ответил он. – Доживем – так перемрем, а не доживем – так живы будем...

Сопя, взялся за полушубок. Покончил с левым рукавом, принялся за правый...

– Досуха, досуха!.. – посоветовали сзади. – Его после тебя еще люди носить будут...

Докука чуть не выронил одежонку. Кудыку – будто шилом с камня подняло. Обернулись. В каком-нибудь переплеме от тесаного камня стояли и насмешливо смотрели на них четыре рослых погорельца.

– Ай, берендеи!.. – Один из них, заливаясь смехом, хлопнул себя по дырявым коленкам. – Ай да воины!.. Ни сабельки, ни копьеца – все побросали!..

Охально вылушил зубы и, покачивая дырявой шапчонкой, обошел древорезов кругом.

– И еще бы воевал, да воевало потерял... – попробовал осторожно отшутиться Докука.

– Эвона!.. – удивился беженец и оглянулся на остальных. – Веселый! Балагурит...

Снял с синеглазого Докуки тщательно отжатую шапку, а взамен нахлобучил свою.

– А ты что же стоишь, не отжимаешь? – оборотился он к Кудыке. – Думаешь, приятно мне будет в мокром ходить?

Кудыка понурился и вздохнул. Он уже прикинул грядущие убытки. Шубейка, шапчонка – ветхие, так и так сносились... А вот сапоги – да. Сапоги жалко. Еще бы зиму прослужили... Да что там про сапоги-то!.. Не убьют – и ладно... Хотя почему не убьют? Как раз сегодня-то убить и могут.

Народу в битве на речке Сволочи полегло несчитано. Так что – Кудыкой больше, Кудыкой меньше...

Да и злы погорельцы на слобожан за давешний погром. Все ведь землянки им поразвалили... А вот главарь у них смешливый – это хорошо... Хотя иной раз в преисподнюю и с прибаутками отправляют...

Смешливый главарь тем временем разочарованно оглядывал Кудыку.

– Что ж ты такой затрепых-то? – упрекнул он. – Идучи на рать, мог бы, чай, и принарядиться!.. Товарищ-то вон твой, гляди, красную рубаху надел, порты клюквенны... Да-а, с этого леща чешуйку стоит поскрести... А зипун-то, зипун! Боярину впору!..

Кудыка покосился на товарища и подумал уныло, что главарь, похоже, невзначай правду молвил. Скорее всего, зипунец этот был извлечен Шалавой Непутятичной из дядюшких сундуков.

Тут неподалеку свистнули по-разбойничьи. Погорельцы тревожно оглянулись и сочли за лучшее убраться куда подальше.

– Милости просим, гостечки дорогие, – шутовски поклонился главарь, и подталкиваемые погорельцами древорезы двинулись извилистым путем меж развалин. Да, попались, как вошь во щепоть...

– Как величать-то прикажете? – любопытствовал главарь.

Древорезы со вздохом назвались. Погорельцы остановились и вылупили на них зенки.

– Кудыка?.. Докука?.. – ошеломленно повторил главарь. Потом вдруг сорвал со свалывшихся косм несправедно добытую шапку и что было сил шваркнул оземь. Брызнула во все стороны снежная слякоть.

– Вот те раз! – ликующе завопил он. – Не было ни чарки, да вдруг ендовой!.. Да это ж те самые, кого волхвы ищут!

– Ищут-то одного, а не двух, – недовольно поправил его другой погорелец. – Докуку вроде...

– Кудыку! – возразил третий.

– Кудыку, Докуку... Нам-то что за дело? – Главарь был несказанно рад. – А я-то думал, тут кроме шкурки и поживиться нечем!.. Волхвы-то ведь вязчее сулят!..

– Чего-чего?

– Ну, награду за поимку! Сдадим обоих, а кто не тот – того отпустят...

– А одежда? – забеспокоился вдруг четвертый погорелец. – Слышь, Пепелюга! Если к волхвам поведем, одежду-то с них снимать нельзя...

– Еще чего!.. – прикрикнул главарь. – И думать не смей! Шкурку сымем, оденем в наше – и скажем, что так поймали... Прятались-де в развалинах, за честных беженцев мыслили сойти...

Однако пока добрались до землянок, пока переодели дроворезов в омерзительные сальные лохмотья, светлое и тресветлое наше солнышко успело налиться алым и уже готовилось кануть в далекое Теплынь-озеро. Вести пойманных к волхам на ночь глядя погорельцы не решились – после того, что стряслось на речке Сволочи, даже для беспутных и отчаянных беженцев из Черной Сумеречи Ярилина Дорога была страхом огорожена. А уж капище – тем более...

Тлел зябкий дымный костерок. В хлипкой дышащей многократно ломанными ребрами землянке стояла промозглая угарная темь. Похрапывали лежащие вповалку погорельцы. Кудыку с Докукой уложили поближе к очажку, где светлее, а то еще не ровен час попробуют освободиться от уз. Хотя где там! Что-что, а руки-ноги вязать беженцы из Черной Сумеречи умели. Сторож у входа придремал, однако возможности пособить друг другу не было никакой: пленников разделял костер. Оставалось лишь ворочаться да всхлипывать от бессилия.

– Это все боярин... – Плаксиво кривя чумазое лицо, Докука с трудом приподнялся на локте. – Князь ему, вишь, не позволил меня высечь, так он волхов подговорил! Племянницы простить не может... Или про боярыню дознался?..

Кудыка хмуро слушал и, как всегда, помалкивал. Уж ему-

то было доподлинно известно, кого из них двоих ищут волхвы и за что... Часы... Часы – это ведь не шутка... За часы могут взять и – как того пьянчужку – в бадью да под землю.

Вновь вспомнился глухой отзвук удара о дно преисподней, и Кудыка чуть не завыл...

Перевалиться на другой бок и пережечь хотя бы один узел? Да нет, не выйдет... Во-первых, тесно – не перевернешься, а во-вторых, лохмотья-то вспыхнут быстрее, чем ремни... Да и руки опалишь... Чем тогда прикажешь стружку снимать?..

– Слышь, Докука... – просипел дроворез, очумело привскинувшись над костерком. – Я говорю, бежать надо, слышь?..

Тот уставил на товарища синие со слезой глаза. На чумазых щеках приплясывали красноватые отсветы.

– Знать, премудрый петух тебя высидел! – злобно выговорил Докука. – Домой, что ли, бежать? Так волхвы и дома сыщут... И боярин не защитит!.. Еще и шишимору тебе припомнит! А уж мне-то...

Оба разом изнемогли и примолкли. С одной стороны припекало, с другой примораживало. А тут еще и свербеж, как на грех, напал... Хотя оно и понятно: в лохмотьях обитала в изобилии мелкая кусачая тварь, расправиться с которой было просто нечем. Чесалось все, причем со смыслом чесалось, неспроста. Голова – к головомойке, бровь – к поклонам, левый глаз – к слезам, правый почему-то к смеху, кончик носа

– к вестям (недобрым, надо полагать), губы – к поцелуям... Глумливая мысль о предстоящих поцелуях приводила Кудыку в бешенство. Гримасничал, стриг зубами то верхнюю губу, то нижнюю. Все равно чесались...

– Слышь, Докука!.. А что если прямо к Столпосвяту, а? К князюшке, то есть... Так и так, оборони, мол... Кровь за тебя проливали...

Чумазый красавец с надеждой вскинул голову. Мерзкая шапчонка давно свалилась с его растрепанных слипшихся кудрей и теперь тлела потихоньку рядом с костерком.

– Верно! – выдохнул наконец Докука. – Не выдаст князюшка!.. Вспомнит, чай, как речи за него поднимали... на боярском дворе...

Осекся, дернулся и принялся извиваться в тщетных попытках порвать сыромятные ремешки.

Приоткинулась висящая на веревочках чем-чем только не заплатанная дверь, потянуло по жилочкам холодом, и в землянку заглянула молоденькая белозубая погорелица.

– Ишь ты! – восхитилась она, глядя на ерзающего у костра дровореза. – Прямо как ужака на вилах...

– Развяжи, красавица! – взмолился Кудыка, узнав в вошедшей ту самую паршивку, что одну берендейку выклянчила, а вторую украла.

Осторожно переступая через всхрапывающих и бормочущих во сне, погорелица пробралась к узникам, присела на корточки и с любопытством уставилась на Кудыку. Верно го-

ворят: бесстыжие глаза и дым неймет.

– А замуж возьмешь?

По ту сторону тлеющего тряпья, в которое давно уже обратился костерок, с надеждой взметнулся синеглазый Докука.

– Возьму! – истово ответил он, не раздумывая. – Искуши меня солнышко до макова зернышка, возьму!..

Погорелица пренебрежительно оглядела гуляку.

– Не клянись, носом кровь пойдет, – насмешливо предупредила она. – Не тебя спрашивают! Суженый выискался!..

От таких слов опешили оба: и женский баловень Докука, и Кудыка, всегда полагавший себя мужичком неказистым. А погорелица продолжала все так же насмешливо:

– А то мы тут про Докуку слыхом не слыхивали! Изба у самого набок завалилась, зато пуговики с искорками... Кого третьего дня за боярышню секли? Не Докуку ли?..

– Меня? – возмущился тот, вновь обретя дар речи. – Вот народ пошел, хуже прошлогоднего! Клеплет, как на мертвого!.. Да не выросла еще та розга, которой меня высекут!..

– Выросла-выросла, и не одна!.. – успокоила погорелица, снова уставив смеющиеся окаянные глаза на заробевшего внезапно Кудыку. – Что скажешь, берендей? Или ты женатый уже?..

Тот помигал, собираясь с мыслями.

– Ну, коли ты того... – осторожно выпершил он, – так и я того... этого...

– Поклянись! – внезапно потребовала погорелица, перестав скалиться.

В Кудыкином брюхе что-то оборвалось болезненно. Неужто не шутит? Губы-то, стало быть, и впрямь не зря чесались... Вгляделся с тоской в чумазую веселую рожицу шальной девки, прикидывая, на что она станет похожа, ежели смыть всю эту сажу. Потрогал языком обломок выбитого кочергой зуба... Неужто все сызнава?.. Вздыхнул, решаясь.

– Ярило свидетель, – побожился он хмуро. – Развяжешь – возьму в жены...

Погорелица хихикнула, и Кудыка тут же вспомнил, что беженцы из Черной Сумеречи величают Ярилом вовсе не солнышко наше добросиянное, но все связанное с плодородием, включая мужской уд⁴⁹. Неладно, неладно побожился... Однако новой клятвы погорелица, как ни странно, не потребовала.

– Смотри, берендей, – лишь предупредила она с угрозой. – Обманешь – след гвоздем приколочу, в щепку высохнешь!..

– Ворожея, что ли? – уныло спросил Кудыка.

– А ты думал? – Погорелица надменно вздернула чумазый нос. – Такую порчу наведу, что мало не покажется... Мне-то ведь тоже назад дороги не будет, ежели развяжу.

– Ты развязывай давай! – не выдержав, вмешался нетерпеливый Докука. – Не ровен час проснется кто-нибудь!..

⁴⁹ Уд (берендейск.) – часть тела

– Боярышням своим будешь указывать! – огрызнулась она. – Сначала его наружу выведу, а потом уж тебя...

Приподнявшись на локте, синеглазый красавец древорез следил с тревогой, как погорелица, склоняясь над притихшим Кудыкой, торопливо и сноровисто распускает ремни на запястьях.

– Ты только смотри вернись, – испуганно предупредил он. – А то заору – всех перебуду...

– Вернись-вернись... – сквозь зубы ответила та, развязывая суженому лодыжки.

С помощью будущей супруги малость ошалевший Кудыка поднялся, пошатываясь, на ноги. Чудом ни на кого не наступив, был подведен к латаной-перелатаной дверце.

– А ты лежи тихо, – обернувшись к Докуке, приказала шепотом погорелица. – Сейчас приду...

По хижине, шевельнув сизый пепел на угольях, вновь прошел знобящий сквознячок, закрылась, мотнувшись на веревочках, хилая дверца, и захрустели снаружи по хрупкому насту удаляющиеся шаги. Мирно похрапывали погорельцы. Опушенный розовым жаром, изнывал костерок.

Обида была столь сильна, что смахивала даже на чувство голода, причем волчьего... Ну не было еще такого случая в жизни Докуки, чтобы женщина предпочла ему другого. Тем более какая-то чернолапотница. Сама идет – сажей снег марает, а туда же... Изба у него, вишь, кривая... Так не за избу, чай, замуж-то выходят!..

Нет, не то чтобы Докука горел желанием жениться на чумазой ворожейке, а все одно досада разбирала... И что странно – на Кудыку он злился гораздо сильнее, чем на дурру погорелицу. Ишь, тихоня, так всех обхитрить и норовит! У самого вон берендеек полна повалуша, горница чурками завалена, а убогим прикидывается, половинный оброк платит... Нешто справедливо этак-то?.. Правильно, правильно шепнул Докука берегиням, что водит их Кудыка за нос! Тут же и проверили болезного – заказчика с чурками подослали... А кабы знал Докука, как оно с погорелицей обернется, еще и про денежку греческую потаенную сказал бы... Ну да еще не поздно...

Долго злорадствовал втихомолку красавец древорез, как вдруг сообразил, что за хлипкой дверью хижины давно уже стоит тишина. Неужто обманула чумазая? Ужаснулся, прислушался. Ну так и есть! Никому нельзя верить!..

– Спишь? – плачуще закричал он на скорчившегося у двери сторожа. – Тебя зачем тут поставили? Бока отлеживать?..

Глава 6.

Главный зачинщик

Ночка выпала туманная, с морозной искоркой. Оплывшие за день сугробы запеклись ломкой ледяной корой, опасно хрустевшей под ногами. Кудыка вздрагивал едва ли не при каждом шаге и все оглядывался на черные горбы землянок, еле различимые в общей темноте. То и дело отставал он от шустрой погорелицы, надо полагать, знавшей развалины наощупь.

Страшное это было место, проклятое. Судя по многочисленности сложенных из камня, а ныне оземленелых подстенков, Сволочь-на-Сволочи простирался на многие перекалики, доходя на севере чуть ли не до самой Ярилиной Дороги. Сказывают, пало сюда с небес разгневанное солнышко и выжгло город дотла, пощадив лишь княжьи хоромы, измуравленные на месте слияния двух рек, да прижавшуюся к Вытекле слободку дроворезов... В общем-то оно и понятно: князь солнышку угоден, сам красным солнышком прозывается, а дроворезы люди смиренные, идольцев жертвенных режут – за что их жечь?

Преданий об этом несчастье сохранилось много, а вот из очевидцев остался, пожалуй, один только старенький воевода Полкан Удатый, если ему, конечно, посчастливилось уце-

леть в недавней битве на речке Сволочи. Сами берендеи до сих пор не отваживались селиться на обширном пепелище, да и погорельцев не жаловали за то, что в развалинах живут...

Беглецы уже миновали низкий вал, служивший когда-то основой внутренней стены, когда древорез наконец спохватился.

– Э!.. – ошеломленно окликнул он. – А Докука-то?..

– Да на кой он тебе нужен? – не оборачиваясь, недовольно бросила погорелица.

Кудыка остановился в растерянности и беспомощно оглянулся. Договаривались-то как?..

– Ну чего стал? – прошипела она. – Живей давай!..

Кудыка моргал. Бросать товарища связанным было со-вестно... Хотя... Что ему грозит, Докуке? Сводят утром на капище да и отпустят. Волхвам-то наверняка Кудыку подавай, а не Докуку – до боярской племянницы им дела нет...

Древорез махнул озябшей рукой и поспешил вослед за девкой. И в этот миг откуда-то издалека донесся тихий, но ясный вопль. Голос был Докукин.

– Спишь? Тебя зачем сюда поставили?.. Бока отлеживать?..

Погорелица злорадно засмеялась.

– Тревогу поднял, лоботес!.. – сообщила она, хотя и без нее все было ясно. – А ты, чай, возвращаться за ним хотел... за дружкой за своим...

Ухватила за руку и, хрустя настом, повлекла в какую-то узкую расселину, где оба и залегли. В развалинах тем временем стало шумно. Крики, брань, треск. Должно быть, всполошенные Докукой погорельцы спросонья кинулись кто куда и в который уже раз порушили землянку. Потом над общим гомоном взмыл голос главаря Пепелюги, померещились звуки далеких оплеушин. Вскоре замельтешили, рассыпались в ночи огоньки смоляных свечочей – погорельцы обшаривали окрестность.

– Найдут!.. – охнул Кудыка.

– Не найдут, – успокоила суженая. – По гололеду-то!.. Снега нет – и следа нет...

– А случайно наткнутся?

Вместо ответа погорелица больно стиснула ему руку, и Кудыка испуганно умолк. Неподалеку хрустел наст, слышались голоса.

– Просыпаюсь... – возмущенно, взхлеб жаловался кому-то Докука. – Костерок еле тлеет, сторож этот твой уже седьмой сон досматривает, а их и след простыл...

– Кого «их»? – приглушенно рявкнул Пепелюга, на этот раз, судя по всему, к шуткам не расположенный. – Вас же только двое было!..

Докука поперхнулся и закашлялся.

– Да это... Я задремывал уже... Смотрю: вроде девка ваша о чем-то с ним толкует... Ну вот я и подумал: может, это она его развязала?.. Пока я спал...

– Врет – во всю губу!.. – не выдержав, шепнул Кудыка.

Погорелица тут же на него шикнула, и оба вновь замерли, прислушиваясь.

– Что за девка? – допытывался Пепелюга.

– Да нешто я знаю! – жалобно вскричал красавец древо-рез. – Девка и девка. Чумазая...

В гулкой ночи отчетливо треснула оплеуха.

– Я те дам «чумазая»! – озлился погорелец. – За чумазах, знаешь, что бывает?..

Прошитый морозными иглами ночной туман затлел розовым, и вскоре из-за окованного ледяной броней холмика показались трое: главарь, Докука и еще один со смоляным огнем на палке. Главарь свирепо озирался, а разобиженный Докука озадаченно ощупывал затылок.

– Замуж за него просилась... – добавил он, как бы только что вспомнив.

– Ах, во-он это кто!.. – Пепелюга выбранился по-черному, помянув и царя-батюшку и тресветлое солнышко. – Давно она у меня на бирке зарублена... Ну попадись только... Согну в дугу да и концы на крест сведу!..

– Так чего их теперь искать-то? – недовольно спросил тот, что со смоляным светочем. – Слышь, Пепелюга... Они уж наверняка в слободке давно...

– Да не могли они далеко уйти!.. – взвыл Докука.

– А ты почему знаешь? – недобро прищурился главарь. – Ты же спал, говоришь!..

– Так а костерок-то! – быстро нашелся тот. – Костерок-то погаснуть – не успел! Значит, совсем недолго я спал...

Переругиваясь, скрылись за другим ледяным горбом, однако шаги их и голоса долго еще отдавались в гулкой ночи.

– Светил бы мне ясный месяц, а по частым звездам я колом бью... – донеслось совсем уже издали.

Погорелица вздохнула и с досадой потеряла замерзший нос.

– Зря... – признала она с сожалением. – Надо было мне и его развязать... Ну что, берендей? Как тебя звать-то?

Кудыка сказал. Погорелица уставилась на него в радостном изумлении.

– Правда, что ль? Так это, выходит, от тебя жена с греками сбежала? Ну все, берендей, пропал ты! Такого мужика я не выпущу... У тебя вон, сказывают, и дом двупрясельный, и печка кирпичная...

– Тебя-то саму как зовут? – буркнул Кудыка.

– Чернавой величают... – не без гордости ответила та.

Чернава? А ведь точно – ворожея... Слыхал про нее Кудыка, и не раз. Сам боярин ее о прошлом годе в терем призывал – шишимору вывести... Что ж теперь делать-то? Не возьмешь в жены – воду в ложке заморозит, порчу наведет... А возьмешь – и того хуже. Как с такой жить прикажешь?..

И принялся дроворез вспоминать в смятении все, что знал о ворожеях и ведьмах. Бить их можно только тележной осью, при каждом ударе приговаривая: «Раз!..» Скажешь: «Два!» –

изломает... Потом еще врут: наотмашь их тоже бить нельзя – только от себя. Ударишь от себя – рассыплется... Да врут, наверное!..

* * *

Но, конечно, кабы не Чернава, нипочем бы не выбрался Кудыка из развалин мертвого города. То ли и впрямь она умела глаза отводить, то ли просто хорошо знала здесь каждый взгорбок и каждую ямку. Был случай, когда, затаившись, они пропустили ватагу погорельцев в каких-нибудь двух переплевах от своего укрытия. Обитатели развалин возвращались к землянкам усталые и сильно раздраженные. Докуку они вели с собой, награждая его время от времени к превеликому Кудыкиному злорадству тычками да затрещинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.